

Е. В. Гусарова

К ВОПРОСУ ОБ АВТОРЕ ПОСВЯТИТЕЛЬНОЙ НАДПИСИ
НА ПЛАНЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА 1753 г.
(Якоб Штелин или Елизавета Петровна?)

«План столичного города Санктпетербурга» – выдающееся произведение русской *картографии* («ренессанс и особенно барокко возвели карты в разряд особого жанра изобразительного искусства»¹). Этот художественный документ, являясь ценнейшим источником историко-градостроительной информации, отражает уровень достижений Петербургской академии наук и *художеств*, представляет собой высокий образец елизаветинского барокко.

Традиционно его называют махаевским – по фамилии академического рисовальщика, гравера, «ландкартного» и «словорезного» мастера, автора знаменитых видов Петербурга – очевидно, потому, что из всей команды создателей «Плана» М. И. Махаев – наиболее яркая и значимая фигура, художник, чьи масштабные и одновременно поэтичнейшие творения занимают достойное место в истории отечественного искусства. В 1990-е гг. «План» переименовали в «план Трускотта», исходя из того, что составлением его (из других, уже имевшихся к тому времени, чертежей) руководил сотрудник Географического департамента Петербургской академии наук Джон (Иван Фомич) Трускотт, петербуржец английского происхождения². А в 2011 г. в словаре «Les Français en Russie au siècle des Lumières» («Французы в России в век Просвещения») автором плана назван «Joseph Valeriani»³ – Джузеппе Валериани, итальянский художник-перспективист, служивший декоратором при русском дворе и по контракту обучавший рисовальщиков Петербургской академии наук правилам перспективы и оптики; он был включен в состав академического «Художественного собрания», коллегиально руководившего созданием «Плана», и консультировал Махаева в «перспективном искусстве». Автор же работы далекого 1947 г. полагала составителем «Плана» архитектора И. Я. Шумахера, также члена академического «Художественного собрания»⁴.

Чтобы предметно представить участие каждого из перечисленных в создании «Плана», я обратилась к документам архива Академии наук и в ходе фронтального изучения ежемесячных томов фонда академической канцелярии за 1740–1750-е гг. неожиданно столкнулась со следами участия еще одного персонажа. И не просто участия. Документы позволяют предположить, что от этой персоны исходила инициатива создания «Плана», что она направляла работу над ним.

Представление о мере авторства Махаева, Трускотта, Шумахера, основанное на архивных данных, а также соображения, аргументы и выводы о том, кому, когда и зачем понадобился «План», я изложила в предыдущих статьях⁵.

Но сведения из бумаг академического архива раскрывают, помимо прочего, историю создания *надписи* на плане, позволяют поразмышлять о том, кто мог быть ее автором. Прямых данных, разумеется, нет – есть косвенные, которыми и хочу поделиться.

Чуть отступив, напомним, что обычаем делать посвятельные надписи на картах был широко распространен в Европе; в России такие надписи появились в петровское время, сначала – в работах приглашенных Петром иностранных мастеров. Обыкновение прижилось (в РНБ весной 2018 г. прошла небольшая, но очень информативная выставка «Посвящения на картах и атласах», показавшая этот жанр в русской картографии XVIII – начала XX в.).

В посвятельных надписях на русских картах XVIII в. находим ту же «композицию», что определена в статье Н. Д. Кочетковой об особенностях жанра литературного посвящения⁶. Карта, как книга посвящением, обращением к читателю, предисловием, послесловием, «обрамлена» картушами – с титулом, масштабной шкалой, экспликацией, посвящением. И в структуре «дедикаций», как называли тогда посвящения (от *лат. dedicare* – посвящать), на картах присутствуют те же основные элементы, что и в книжных посвящениях: наименование адресата, панегирическая часть, подпись автора. Встречается и то, что определено Н. Д. Кочетковой как «высказывание по актуальным вопросам». Так, в посвящении Петру II «Новой и достоверной княжества Корельского а ныне Кехгольмского уезду лантькарты» И. К. Кирилов, искавший монаршей поддержки в издании первого русского атласа, добавляет: «...и в намерении пребываю, что одна после другой толь великой Вашего Величества империи партикулярныя лантькарты... во особой российской атлас собраны и напечатаны быть имеют...»⁷

* * *

Вопрос об авторе посвятельной надписи на плане Петербурга 1753 г. до сих пор специально не рассматривался. Первый исследователь истории создания «Плана» Г. А. Князев посвящения *императрице* по понятным причинам (его статья вышла в 1953 г.) не касался⁸. В трудах М. А. Алексеевой и К. В. Малиновского о творчестве М. И. Махаева⁹ участию художника в работе над «Планом» уделено место, соответствующее значению, однако история создания *текста* посвятельной надписи, не будучи предметом основного исследования, обрисована вскользь и с ошибками, о которых далее.

А вот что дают архивные документы.

В мае 1749 г., когда стало ясно, что рукописный оригинал «Плана» (к его созданию приступили летом 1748 г.) близок к завершению и пора заняться «обрамлением», члены академического «Художественного собрания» определили места для картушей. («Понеже большой санктпетербургской план на двенадцати александрийских листах в сем году готов будет, в котором по правую сторону оставлено снизу долгое узкое, а по левую сторону сверху нерегулярное порожнее место, на первом месте по правую сторону... ничего другова постановить неможно как толькоobelisk или статую ЕИВ, а на другом по левую сторону можно поставить картуж...»¹⁰) Словесные «прожэкты» для картушей (*инвенции*, как тогда говорили, «вымысел материи» – идейного содержания) были исполнены Якобом Штелином, главным «инвентором» такого рода проектов Петербургской академии наук. Его предложения отправили в Москву, где тогда находился двор, на «апробацию»¹¹.

Обращаю внимание: И. Д. Шумахер, глава академической канцелярии, в сопроводительном письме добавляет: «Но ежели некоторой проэкт опробован не будет, то со-благоволила бы (московская «экспедиция» канцелярии Академии наук. – Е. Г.) другой проэкт в Москве сделать»¹². Кто в Москве, то есть при дворе, мог сочинять такие идей-ные программы?

Инвенции Штелина к картушам «Плана» в архиве Академии наук сохранились (и немецкие автографы, и русский перевод). На них стоит остановиться: любопытно, помимо прочего, что автор называет то, к чему делает инвенцию, «*фигурной* дедикаци-ей» («фигуры» в терминологии Академии наук тех лет – это изобразительные компози-ции, и мастерская, где готовились иллюстрации для академических изданий, называлась «Фигурная палата»).

Итак, проэкт Я. Я. Штелина: «...Из древних времен у славнейших, сильнейших и добронравнейших народов в употреблении было, что в честь знатных услуг оказан-ных отечеству... императоров и князей... для вечной памяти славнейших их примеров сооружаемы были публичные монументы... Такие знаки чести состояли в поставле-нии... так называемых обелисков чрезвычайной вышины... Или на высоком и вели-чественном постаменте поставляли медную или мраморную статую такого столь лю-безнаго и достохвального Государя. На обоих родах таких монументов полагали всегда на пьедестале краткую и важную надпись, где для потомства изображаемо было мнение и намерение тех, которые такие здания чести сооружали.

Последуя сему примеру приписанная для украшения Ея Императорскому Величеству от всеподданнейшей верной Академии дедикация большого Санктпетербургского плана изображена и расположена в следующих фигурах:

Фигура А. Римский обелиск с изображенным в середине грудным портретом или вен-зелем Ея Императорского Величества в приличных украшениях, на который портрет или щит Слава, как в знак своего благоволения... так и для изъявления высочайшего достоинства дражайшей нашей монархине, лавровый венок налагает, и тотчас по под-нятии вверх императорского штандарта для прославления высочайших добродетелей Ея Императорского Величества во весь свет отлетает.

Фигура В. Или вместо обелиска поставить медную статую Ея Императорского Величества, а при том Славу в прежних ея действиях. У пьедестала помянутого мону-мента изображена Академия в образе... прямостоящего Аполлона, который подает но-вый план города Санктпетербурга... Подле его смиренно взирающая на образ ЕИВ Благодарность, стоя на коленях, показывает одною рукою на усердную искренностью на-полненную грудь, а другою на лежащая подле ея инструменты и знаки наук...

Подале пред пьедесталом сооружаемого монумента сидит на твердом и четырехуголь-ном высеченном камне ободренное новой милостью Ея Императорского Величества... Прилежание, которое... для показания ревности своей в трудах следующую подпись навидном месте мраморного пьедестала вырезывает...»¹³

Далее следует дедикация *литературная*:

Елисавете
Всероссийской Императрице
Августейшей
благочестивейшей, благополучнейшей, милостивейшей

Матери Отечества
Наук и Художеств
По примеру в Бозе почивших родителей
восстановительнице щедротнейшей
поспешающей премилосердой
покровительнице сильнейшей
сей план
в знак подобострастнейшаго и благодарнейшаго сердца
приносит
Санктпетербургская Академия наук
1749 года¹⁴.

Ответ из Москвы, полученный 22 мая 1749 г., гласит, что «апробован» вариант со статуей императрицы¹⁵.

«...Что же касается до вымысла материи (идейного содержания. – Е. Г.), в том Его Сиятельство приказал постараться сделать другой проэкт, в котором бы соединить и труды Государя Императора Петра Великого, ибо сей царствующий град нетолько сим великим государем зачат строить, но и почти в совершенство приведен, да имя сего великого монарха на себе носит... Статую Всемилостивейшей Государыни оставить так, как она есть, а внизу около педестала сочинить такое изображение, в котором бы труд Петра Великого и портрет явственно был изображен, дабы с первова взору всяк мог выразуметь. И сие, немедленно сделав, прислать к апробации обратно...»¹⁶

Вопрос: кто мог внести коррективу такого исторического и государственного масштаба? Чья политическая программа здесь читается?

В Петербурге Штелину поручают «оной проэкт немедленно сочинить и подать»¹⁷, и 5 июня 1749 г. он представляет еще два варианта «фигурной дедикации Ея Императорскому Величеству». Это «Третий [проект]. Портрет Ея Императорского Величества представленной на мраморном педестале статуе смотрящей на портрет Государя Императора Петра Великого в медали, которую всеобщия слава к верху возносит... Прочия аллегорическия фигуры по прежнему оставлены, только подпись на пьедестале переменена и склоняется на Государя Императора Петра Великого:

Елизавете
Всероссийской императрице
августейшей
честнейшей, благополучнейшей, милостивейшей
Матери отечества
Наук и художеств
по примеру в Бозе почивших родителей
восстановительнице щедротнейшей
поспешающей премилосердой
покровительнице сильнейшей
сей план
*невероятного и удивительного дела Петра Великого
города Санктпетербурга
заложенного в 1703 году*

*и от августейшей Его Дщери
наследницы родительских добродетелей
в полное ныне пространство
и красоте приведенного
приносит
Санктпетербургская Академия наук
1750 году**¹⁸.

«Четвертый проект, – продолжает Штелин, – подобен третьему, токмо вместо медали Государя Императора Петра Великого внизу у пьедестала... представлены построенные от Государя Императора Петра Великого коллегии и пред ними статуя Его Величества на коне с следующею потписью...

Елизавете
Всероссийской императрице
августейшей
честнейшей, благополучнейшей, милостивейшей
Матери отечества
Наук и художеств
по примеру в Бозе почивших родителей
восстановительнице щедротнейшей
поспешающей премилосердой
покровительнице сильнейшей
*сей план
великаго и неподражаемаго дела
города Санктпетербурга
от Петра Великаго
в 1703 году заложеннаго
и из болот возведеннаго
от августейшей Елисаветы
достойнейшей Великаго основателя Дщери
распространеннаго, украшеннаго, обогащеннаго
подносит
Санктпетербургская Академия Наук и Художеств
1750 году*¹⁹.

В Москве утвердили вариант с «коллежской площадью» и конной статуей Петра, но не предложенные Штелином и в этот раз надписи. Когда был закончен рисунок по его «вымыслу» и на плане была «представлена в картуше Ея Императорскаго Величества статуя», предстояло, как говорит запись в журнале канцелярии Академии наук от 19 января 1753 г., на пьедестале ее «зделать пристойную к сему плану надпись» – так, словно сочиненных Штелином и не было. «Господам профессорам и членам Академического и Исторического собрания» предложено «зделать несколько прожектов к такой надписи на русском и на латинском языках»²⁰. Проекты подали М. В. Ломоносов:

* Курсивом нами выделен добавленный, в соответствии с указанием сверху, текст о роли Петра I.

Августейшей Императрице
Елизавете
Щедрой
Отеческаго Града
Расширительнице,
Великодушной
Наук и Художеств
Покровительнице
любовь, верность,
усердие и благодарность
в честь и славу посвящает²¹ –

и Никита Попов:

Едино от чудес Петровых
На болотах и топиях воздвигнутый
Великий град
Мироздательница высокославная
Его Дщерь
преукрашенный тобой сим изображением
свету показуется²².

Штелин в этот раз надписей не представил – в документе есть прямое на то указание: 4 марта 1753 г. «архивариус Иван Стафенгаген», по совместительству секретарь Академического и Исторического собраний, рапортовал в канцелярию, что «в Академическом Собрании подали такие надписи г-н советник и профессор Ломоносов да г-н профессор Попов» и что «прочие г-да академики от сего дела отказались, потому что они в той науке не упражнялись, а в Историческом Собрании ни единой надписи подано не было»²³.

Эти сведения расходятся с выводом М. А. Алексеевой об авторе осуществленной, окончательной надписи: «Принят был... новый вариант, представляющий измененный текст Штелина»²⁴. Ошибку приходится констатировать и в академическом ПСС М. В. Ломоносова, где в комментарии к ломоносовской проектной надписи к «Плану» сказано, что «из всех членов Академического собрания проекты подали... трое: Ломоносов и профессора Н. И. Попов и Я. Я. Штелин»²⁵. (Точно в таком же виде, со ссылкой на тот же документ присутствует этот комментарий и в юбилейном переиздании ПСС Ломоносова 2011 г. Ожидать, что в работе над ним мог быть проверен весь грандиозный корпус его архивных ссылок, исправлены все неизбежные ошибки, не приходится. Задачу эту как раз и выполняют исследования узких конкретных вопросов, подобные настоящему.) Этот комментарий ссылается на цитированный выше документ от 4 марта 1753 г. – тот самый рапорт архивариуса Стафенгагена, в котором перечислены подавшими надписи только двое: Ломоносов и Попов; никто, кроме них, в «репорте» не упоминается²⁶.

Можно предположить, что атрибуция Штелину вызвана путаницей, возникшей из-за хаотичного расположения документов в архивном томе № 178, где они были собраны в XIX в. Датированный июнем 1753 г., этот том включает, тем не менее, бумаги и марта 1753 г., и 1751 г., и 1749-го. И именно здесь содержится цитированный выше пространный документ с четырьмя вариантами «фигурной дедикации», твердо датированный

1749 г. по датам в текстах самих проектных надписей Штелина. Причем его текст прерывается посреди предложения с окончанием листа 46, сменяясь далее другими бумагами о работе над «Планом», а затем продолжается на листах 58 и 59 с середины того предложения, на котором прервался. Так спит архивный том: в середину разворота Штелиновых листов вшиты другие, более поздние, бумаги. Поэтому левая часть разворотов осталась среди бумаг конца 1740-х гг., а правая с продолжением текста третьего и текстом четвертого варианта проекта июня 1749 г. оказалась среди документов марта 1753 г. Однако целостность разделенного таким образом штелиновского повествования легко устанавливается: одни и те же, отличные от прочих, тип бумаги, чернила, почерк, единство темы, хода мысли, характера изложения. Датировка всех вариантов Штелина 1749 г., а не частично 1749-м и 1753 гг. подтверждается и сопоставлением с фактами, изложенными в документах 1749 г. из дел 803 (л. 159) и 129 (л. 264). (Подобные хронологические сбои, нередко допускавшиеся при объединении отдельных дел и документов в общий переплет, специалист по «истории складывания документальных фондов в федеральных архивах» связывает «с датировкой крупных документальных подборок по времени начала или окончания „производства“, признанного основным, без учета „прочих производств“ либо материалов другого времени, включенных в подборку как справочные»²⁷.)

Итог еще одного этапа работы с посвяtitельной надписью на «Плане» важен для нас в данном случае – разработанная М. И. Махаевым серия проектов, представляющих надписи, во-первых, сделанные различными шрифтами, а во-вторых, размещенные («разверстаные») в фигурных рамках, заданных барочной формой пьедестала статуи императрицы в картуше «Плана», поскольку именно на таком пьедестале требовалось поместить надпись²⁸. Среди этих 17 в общей сложности (по содержанию и по оформлению) вариантов встречаем не только приведенные выше тексты Ломоносова, Попова и окончательный, «апробованный» (фигурирующий в этой серии Махаева только на латыни), но и еще несколько – таких, данные об авторах которых в документах отсутствуют и потому эти тексты остаются для нас безымянными:

Всепресветлейшая Государыня Императрица Елизавета Петровна
 Самодержица Всероссийская
 Основанный родителем своим Петром Великим
 Санкт-Петербург
 Великолепным зданием украсила и распространила²⁹;

Всеавгустейшей Государыне Императрице
 Самодержице Всероссийской,
 Которая основанный родителем своим
 Санкт-Петербург
 Великим зданием украсила и распространила
 Посвящается³⁰;

В честь и в безсмертную славу
 Всепресветлейшия Государыни Императрицы Елизаветы Петровны
 Самодержицы Всероссийския³¹.

Наконец, вариант только на латыни (все остальные даны в махаевской верстке на двух языках):

Elisabethae
Russorum
Imperatrici
Petri Magni
Filice
Sacrum³².

Быть может, М. А. Алексеева приписала Штелину какой-то из них? Однако из содержания приведенных «безымянных» текстов видно, что ни с предыдущими штелиновскими, ни с окончательной, присутствующей на «Плане» надписью их русские варианты сходства не имеют. История создания надписи изложена в книге М. А. Алексеевой следующим наикратчайшим образом: «Надпись на постаменте... выбиралась по конкурсу. 20 января 1753 года было дано распоряжение „профессорам и членам академического исторического собрания сделать несколько прожектов“. Четыре варианта надписи подал Я. Штелин (он, как мы видели по документам, представил свои варианты не в 1753-м, а в 1749 г., и не на конкурс, а по персональному заданию. – Е. Г.), стихотворный текст сочинил Н. И. Попов, прозаическую надпись составил Ломоносов, Махаев предложил 17 различных написаний этих шести текстов, и все они были посланы Разумовскому. Но принят был и впоследствии гравирован Махаевым новый вариант, представляющий измененный текст Штелина»³³. Как видим, атрибуция Штелину сделана здесь без какой-либо аргументации и потому доказательной силы не имеет. Объясняется это, очевидно, еще и тем, что не содержание *текстов* надписей и запутанные околичности их создания, а творчество Махаева, в этом эпизоде – лучшего тогда в России художника-прифтовика, интересовало в первую очередь автора монографии, которая остается на сегодня основательнейшим и наиболее полным сводом данных о Махаеве, своего рода энциклопедией.

Ту же причину ошибки можно предположить, говоря о книге К. В. Малиновского, который, не вникая в историю создания текста и не интересуясь его автором, ошибочно назвал варианты *шрифтов*, предложенные Махаевым, вариантами самой надписи³⁴.

Нам же любопытны следующие вопросы, связанные с этой махаевской серией. Вшитые в хаотичный том июня 1753 г. прифтовые и дизайнерские проекты Махаева не датированы, но понятно, что сделаны до 6 апреля, когда, как свидетельствуют документы, начались переплетные работы (план и виды города сброшюрованы, как мы знаем, в альбом), а значит, все остальные работы были завершены. Приступил же Махаев к разработке этих проектов, скорее всего, после 29 марта, когда из Москвы прислали «апробованную» надпись: латинская ее часть присутствует в махаевской серии (подчеркнем, без русской части надписи). (Сверхкраткий срок, оставшийся, при такой датировке, на выполнение Махаевым этой работы, не должен нас смущать: создание «Плана» шло экстремальными темпами. Выпуска его в свет высшее начальство требовало «в наискорейшем времени», он намечался и на 1750 г., и даже на 1749-й, как свидетельствуют даты на приведенных ранних проектах надписи. Процесс шел непрерывно: группа молодых академических граверов под руководством опытных И. А. Соколова и М. И. Махаева работала сменами. Грандиозность задачи (25 досок для 9 листов «Плана» и 12 видов

города), а также недостаток опыта исполнителей стали причиной тому, что гравирование растянулось, вопреки ожиданиям, на три с половиной года.) В таком случае главной интригой этой серии становится вопрос: зачем было придумывать шрифты и верстку для остальных, не принятых к исполнению вариантов?

Если же серия разработана до присылки «апробованной» надписи (в пользу этой версии говорит едва заметная деталь архивного документа: состоявший при Разумовском в Москве канцелярист (у президента АН был небольшой штат выездной академической канцелярии), написавший на осьмушке «апробованную» надпись, заключил ее в тоненький абрис, точно повторяющий ту форму пьедестала, в которую вписал все 17 вариантов надписей М. И. Махаев³⁵; значит, махаевские проекты московский канцелярист уже видел?), то, следовательно, латинский (но не русский) ее вариант присутствовал при принятии в верхах окончательного решения. Возможно, он и подсказал это решение. Однако, во-первых, нет никаких признаков того, что его автором был Штелин. А во-вторых, остается главный вопрос: *кто* выбрал этот латинский вариант и *кто* распорядился о его точном переводе на русский (повторю: среди надписей в махаевском оформлении такого перевода нет)? За кем осталось окончательное решение? Вспоминается догадка одного из министров Людовика XV Рене д'Аржансона, подозревавшего, что русская императрица, «хотя и вела сложную игру», прячась за своих канцлеров и фаворитов, но «сохраняла-таки последнее слово за собой». (Рассказывая об этой догадке д'Аржансона, французский историк констатировала, что будущее доказало его правоту³⁶.)

* * *

Разобравшись с необоснованной атрибуцией Штелину, вернемся к истории создания надписи, в которой мы остановились на 4 марта 1753 г., когда секретарь Стафенгаген подал сочиненные Ломоносовым и Поповым (и только ими) надписи в академическую канцелярию.

6 марта глава канцелярии Шумахер отправил эти надписи в Москву. Подчеркну, в сопроводительном письме он снова – как и в случае с инвентарями картушей – добавляет: «А ежели сии надписи Его Снятельству непокажутся, то б приказал *новую* сделать и *оную* прислать» (здесь и далее курсив в цитатах мой. – Е. Г.)...»³⁷ Из чего следует, что он знал: в Москве *кто-то* мог сочинить *другую, свою* надпись. (Советнику Шумахеру, более трех десятилетий державшему в своих руках бразды правления Академией, попавшему в начале елизаветинского царствования под следствие и *оправданному*, как никому другому, было известно, *кто в действительности* направлял деятельность этого учреждения (подробно см. в Приложении 1). Уже в Регламенте Екатерины I, хотя и не утвержденном, но действовавшем *de facto*, о правовом положении Академии наук сказано, что она «правительством» никому не «подлежит», кроме императрицы³⁸. В елизаветинском же Регламенте 1747 г., подписанном и опубликованном, Академия и Университет объявлены состоящими «под единственною Ея Императорского Величества протекциею и ведением» и «под президентским правлением»³⁹.)

Так и произошло: из Москвы была прислана надпись, которую мы не встречали в предыдущих документах. Ордер президента Академии Разумовского от 22 марта 1753 г. гласит: «Надпись к плану, которая мною апробована, при сем прилагается»⁴⁰. На осьмушке листа – текст с подписью «Апробуется. Граф Кирила Разумовский»:

Елисавете I
 Всероссийской Императрице
 Петра Великого
 Дщери
 Посвящено⁴¹.

(Ордер Разумовского содержит, помимо прочего, следующее загадочное для меня указание: «Орфографию на помянутом плане и прочих резных на меди фигурах употреблять впредь *ту же самую, которая употреблялась прежде, до введения польской орфографии*»⁴². Объяснения этих историко-орфографических тонкостей мне не удалось ни найти в специальной литературе⁴³, ни получить у коллег-филологов. Между тем раскрытие этой загадки помогло бы, возможно, понять, от кого исходило цитированное указание, а быть может, продвинуло бы и в вопросе об авторе посвящения.)

Присланная из Москвы надпись не имеет, как видим, сходства со всеми предыдущими *русскими* текстами, представленными академическими сочинителями. И она окончательная, именно ее мы читаем на «Плане»⁴⁴. И ее можно смело назвать шедевром – по лаконизму, ритму, звучанию.

Кто сочинил эту надпись? Кто так радикально ее сократил, а главное – нарушил «панегирическую заданность жанра дедикации», охладив до нуля пыл восхвалений? Кто осмелился вычеркнуть «августейшей», «милостивейшей», «матери отечества», «великодушной», «щедрой» и прочие славословия?

Недавний волопас Разумовский? Не думаю, что это уровень его компетенции и его владения словом. К тому же, как следует из ордера, он только «апробовал», утвердил надпись. (О роли К. Г. Разумовского в Петербургской академии наук убедительно рассуждает историк К. А. Писаренко. Задаваясь вопросом о том, почему Елизавета «усадилась в кресло президента АН, прежде занимаемое весьма уважаемыми людьми... совсем еще юнца... 18-летнего парня», а «не кого-то из числа соратников или славных в свете ученых», ее новейший биограф отвечает: «Возражать ей юный президент, в отличие от президента с именем, не рискнул бы»; главный довод Писаренко: «назначение Разумовского – не самодержавная блажь, а следствие насущной потребности в беспрекословном исполнителе, беспрепятственно реализовывающем в АН нужные монархине решения»⁴⁵. Здесь стоит напомнить о печальном опыте Елизаветы с академиком Ж. Н. Делилем, который рвался в президенты ПАН и при этом, как позже выяснилось, по заданию французского «министерства флота и колоний» тайно переправлял во Францию русские карты, в том числе включавшие секретные сведения о новых географических открытиях. И наконец вывод Писаренко: в должности президента ПАН «Кирилл Григорьевич выступал в роли *августейшего рунофа*»⁴⁶. Этот вывод подтверждается обычной в документах Академии тех лет формулой: «ЕИВ Всемилоостивейшая Государыня имянным своим изоустным указом изволила повелеть Его Сиятельству АН г-ну Президенту графу Кириле Григорьевичу Разумовскому...» или «По указу ЕИВ Главная контора АН (так называли подразделение академической канцелярии, сопровождавшее выезды двора в Москву. – Е. Г.) приказали...»⁴⁷.)

Ассессор Теплов? (О роли Теплова при Разумовском: «Через месяц (после назначения того президентом АН. – Е. Г.)... его губернёр Теплов был произведен в ассессоры и назначен членом Канцелярии АН», поскольку он «хорошо разбирался в академических

порядках и по чину и опыту (напомним, воспитанник Феофана Прокоповича, Теплов отучился в академической гимназии и университете. – *Е. Г.*) годился на роль первого помощника молодого президента. Его присутствие рядом с Разумовским служило гарантией, что тот не окажется жертвой обмана или манипуляций со стороны подчиненных»⁴⁸.) «Хитрый», «изворотливый», «вкрадчивый» царедворец... (Такими эпитетами наделяли Теплова современники⁴⁹ и историки⁵⁰, о том, что изложенных им нравственных принципов (в том числе: «ласкательство есть самый злейший порок») Теплов «далеко не всегда придерживался сам», пишет Н. Д. Кочеткова⁵¹.) Важным вельможей он станет позже, при Екатерине, но и тогда, а тем более в рассматриваемое время, решиться на такую правку – совсем не его смелость и не его масштаб.

Ученый немец Штелин? Приведенные его опусы дают достаточное, кажется, представление для ответа на этот вопрос.

Уместно вспомнить другой случай подобного сокращения – редактирование Екатериной II посвящения ей Н. И. Новиковым «Древней российской вивлиофики», о котором рассказывает Н. Д. Кочеткова: «вымарывание ласкательства и излишеств»; Новиков испросил разрешения на следующее посвящение:

Ея Величеству
Екатерине Великой
императрице и самодержице всероссийской,
истинной матери отечества,
законодательнице премудрой,
победительнице врагов империи Российской на земле и на море,
распространительнице славы российской,
воскресительнице мус,
покровительнице наук и художеств,
защитнице правосудия и истины
и содетельнице блаженства российского
сие издание со всеглубочайшим почтением посвящает
в новый 1773 год
всеподданнейший раб Николай Новиков.

Императрица исправила:

Ея Величеству
Екатерине II
императрице и самодержице всероссийской
сие издание со всеглубочайшим почтением посвящает
в новый 1773 год
всеподданнейший раб Николай Новиков⁵².

Значит, и в нашем случае, возможно, то была императрица? Екатерина, как известно, многое заимствовала у Елизаветы – от личного участия в государственном перевороте до назначения главой Академии наук младшего брата своего фаворита (примеры ее подражаний см. в Приложении 2).

Думаю, только императрица могла позволить себе убрать из посвячительной надписи все славословия в свой адрес. Прецеденты были. Написанная Ломоносовым в декабре 1742 г. ода на прибытие Елизаветы Петровны из Москвы после коронации в Петербург

опубликована только в 1751 г.⁵³ Кто мог запретить публикацию, прославлявшую государыню, к ее прибытию? Только она сама. Ода Ломоносова воспевала победы русских войск над шведами и грозила Стокгольму новыми, что в тот момент прямо противоречило стремлению Елизаветы к скорейшему окончанию войны – о том свидетельствует ее манифест, обращенный к финнам, с призывом не воевать с Россией в шведском войске и обещанием оставить их земли в неприкосновенности, а также споры императрицы в Сенате по этому вопросу с военачальниками и дипломатами, настаивавшими на продолжении войны⁵⁴. Еще более выразителен случай 1751 г.: Ломоносов получил через Разумовского указание подготовить к 6 сентября – публичному выступлению на торжественном заседании АН в честь тезоименитства императрицы – «российскую речь... которая б состояла... не в похвальном слове... а в ученой какой ни есть материи»⁵⁵. И было подготовлено «Слово о пользе химии»⁵⁶. Кто, кроме императрицы, мог накануне «Высочайшего тезоименитства» запретить восхвалять ее, вопреки традиции?

Прямую аналогию находим в редактировании Петром I текста «Истории швейской войны». Приводя панегирические обороты из предварительного материала Г. Гюйсена – «государь благоразумный, мудрый и добрый, отец отечества», – И. З. Серман обратил внимание на то, что в окончательный текст они не вошли: Петр «систематически вычеркивает панегирическую амплификацию» в отношении своей особы, оставляя лишь «принятое титулование „его царское величество“», которое «не содержало никакого ни оценочного, ни эмоционального элемента»⁵⁷. Именно так сокращен в окончательном варианте и текст посвящения «Плана» Петербурга Елизавете Петровне: оставлены лишь титул и указание на царственного отца, бывшее для елизаветинского правления программным. Как не увидеть здесь продолжения дочерью Петровой «литературной политики самого Петра I», о которой писал А. М. Панченко: царь «объявил войну» красотам, добиваясь «именно стиля дела, а не извития словес»⁵⁸?

Возвращаясь к «Плану», добавим, что Елизавета имела отношение не только к надписи на нем. В том, что именно она инициировала само появление «Плана», не сомневался, например, Ю. М. Денисов⁵⁹. Косвенные подтверждения этому можно увидеть и в документах архива АН, и в международных военно-политических и дипломатических реалиях эпохи⁶⁰. Императрица негласно принимала участие и в работе над «Планом»: она сама выбрала из трех представленных Академией портретов образец, с которого гравировали ее изображение в картуше, – в этом не сомневалась М. А. Алексеева⁶¹. (Елизавета внимательно следила за качеством своих изображений, и это не было женским капризом, как полагает, например, Ф. Д. Лиштенан, подсчитавшая, что «дочь Петра 20 лет провела в ожидании отвечающего ее вкусу портрета» и объявившая таковым работу Шарля Ванлоо 1760 г.⁶² Между тем уже в 1746 г. императрицей был «высочайше апробован» и утвержден Сенатом как *образцовый* ее портрет работы Ивана Соколова, срисованный и гравированный им с оригинала Луи Каравака⁶³. Качество изображений правящей персоны Елизавета вслед за своим отцом относилась к вопросам государственного престижа – в 1746 и 1747 гг. был возобновлен указ Петра I «О запрещении живописцам писать неискусным мастерством портреты высочайшей фамилии»⁶⁴, а в феврале 1750 г. надзирателю Оружейной палаты Ивану Адольскому было дополнительно указано «об особом надзирании» за качеством портретов высочайших особ⁶⁵.) Не стоит сомневаться и в том, что именно государыня с ее неоднократно отмеченным Я. Я. Штелином и другими современниками утонченным вкусом, а не номинальный президент Разумовский,

отвергла в качестве автора иллюстраций к «Плану» архаичного мастера «черной манеры» Иоганна Штенглина, в результате чего создание петербургских «проспектов» было поручено М. И. Махаеву. (Стоит вспомнить и об изъятии из обращения по высочайшему указанию награвированного Штенглином для Коронационного альбома портрета императрицы.) Таким образом, благодаря вмешательству Елизаветы появились махаевские виды Петербурга, вошедшие в золотой фонд отечественного искусства («Такого торжественно-возвышенного изображения Санкт-Петербурга не удалось создать, пожалуй, никому ни до, ни после Махаева. Его работы и сегодня так же воздействуют на зрителя, как двести с лишним лет назад»⁶⁶). «Можно представить, какой альбом (к «Плану». – Е. Г.), исполненный однообразно и мало профессионально, получился бы», – писала М. А. Алексева, рассуждая о замене Штенглина⁶⁷.

Еще аргументы.

Говоря о сочинении надписи на «Плане», М. А. Алексева употребляет слово *конкурс*⁶⁸. Фактически это он и был – закрытый конкурс среди членов Академии наук. Кто был его судьей, за кем осталось решающее слово, история в данном случае умалчивает.

Самый известный конкурс на надпись такого рода – инспирированный Екатериной II и освещавшийся в «Литературной корреспонденции» Ф. М. Гриммом «заочный конкурс» на надпись к Медному всаднику, в котором участвовали Дени Дидро, аббат Галиани, Э.-М. Фальконе⁶⁹.

Но был и в елизаветинское время подобный (как для надписи на плане Петербурга) неформальный конкурс – на надпись к раке для мощей святого Александра Невского. Есть однозначные данные, что он состоялся по велению и при судействе Елизаветы Петровны. Опубликованные П. С. Билярским документы говорят: «Ея Императорское Величество указать соизволила... чтоб разными искуснейшими профессорами... пристойные надписи сочинены были». Их велели «подать... для поднесения ЕИВ к апробации». Значит, судьей в этом конкурсе была она сама. А дальше опять аналогия с историей надписи для «Плана»: после того, как надписи к раке были «внесены» Академией на высочайший суд, из Кабинета императрицы последовал приказ внести в уже составленные тексты сюжет, «как святой благоверный князь Александр Невский был у царя Батые и как он его заставлял кланяться солнцу и огню и идолом, но он того не учинил и оной Батый отпустил святого с честью»⁷⁰, – так в случае с «Планом» указано добавить о трудах Петра Великого. В выбранной Елизаветой надписи Ломоносова для раки все это есть:

...Презревшему прещение мучителя,
Тварь боготворить повелевшего...

(Обыкновение Елизаветы добавлять вдогонку к своим распоряжениям, апробациям и указам дополнения и поправки можно отметить и в других областях. Немало примеров дает архитектурная практика ее времени. Так, при проектировании церковного корпуса Петергофского дворца «обер архитектор Дерастрелий словесно представлял, что хотя план и фасад питергофскому каменному строению от ЕИВ высочайше и апробованы, но после того многие против того отмены воспоследовали, а особливо на церкви главам...»⁷¹ – таким образом отозвался архитектор о переделке им по требованию императрицы первоначально ею утвержденной одноглавой композиции на традиционное русское пятиглавие.)

В истории с конкурсом на надпись к раке для нас важно подтверждение того, что это она, Елизавета, выбрала стихи Ломоносова.

Инициативой проведения конкурса выглядит и реакция императрицы на представленные Ломоносовым варианты проектов памятника Петру I в виде серии мозаичных панно. Одобрив проект Ломоносова, государыня тем не менее распорядилась собрать «как можно больше мнений ученых людей и художников об этом проекте, а также других проектах, если кто пожелает их предложить»⁷². В результате проекты представили И. Я. Шумахер, Я. Я. Штелин, Ф. Градици⁷³. И уже в ситуации фактически конкурса в июне 1761 г. Сенат утвердил-таки проект Ломоносова⁷⁴. Побуждением к своего рода неформальному конкурсу, к литературному состязанию выглядит и повеление императрицы («именной изуствный указ», «объявленный» президентом АН) «профессорам Тредиаковскому и Ломоносову сочинить по трагедии...»⁷⁵. Не случайно Я. Штелин, рассказывая о том, как Ломоносов и Сумароков писали «с тех пор» русские трагедии, употребляет слово «наперегонки»⁷⁶. Уместно добавить и о едва ли не первом в России конкурсе, тогда архитектурном, проведенном отцом Елизаветы при возведении зданий Государственных коллегий. На стадии решения внутреннего убранства парадных помещений строительство было приостановлено, «пока Его Императорское Величество изволил выбрать из разных чертежей подписать собственною своею рукою; и для сочинения тех чертежей дать меру тем архитекторам, дабы каждый зделал свою инвенцию с орнаменты». Архитекторы «чертежи каждый разною инвенцию зделал и по собрании тех чертежей... свезены были оныя в зимней ЕИВ дом, в котором и стояли неколикое время ко избранию на стенах и как ЕИВ во улученное время изволил те чертежи со члены правительствующего Сената смотреть, изволил указать... верхние апартаменты убирать как лутчее»⁷⁷. Происходило это в январе 1724 г. – Елизавете тогда шел 14-й год.

Продолжая аналогии, можно добавить о выборе Елизаветой Петровной надписи на медаль по случаю коронации. Из представленных в январе 1742 г. проектов для оборотной стороны медали – таких, например, как: «По природному праву, желанию народа и храбростью гвардии»⁷⁸, императрица выбрала: RESTITVIT REM («Восстановила дело»)⁷⁹, что вполне вписывается в ряд: «Небываемое бывает», «Петру Первому Екатерина Вторая», «Прадеду правнук» – и говорит о знакомстве Елизаветы, вслед за ее отцом, с европейской эпиграфикой (наличие среди ее французских книг «Собрания эмблем, девизов, медалей и фигур гieroглифических, чрез Верриена», по каталогу В. К. Тредиаковского 1745 г.⁸⁰, или «Verrien, Nicolas, Recueil d'emblems, devises, medailles et figures hieroglyphiques, Paris, 1724...», по каталогу И. К. Тауберта 1750 г.⁸¹, – того самого Николая Верьена, к которому восходят сборники Даниэля де ла Фея, послужившие в свою очередь источниками для петровского сборника «Символы и эмблемата»⁸², – может подтвердить интерес владелицы к европейской эпиграфике (см. Приложение 3).

Еще пример выбора именно императрицей – надпись для фейерверка, когда Ломоносов отказался было делать перевод стихов Штелина, входивших в проект иллюминации к очередной годовщине коронации: «для того, что в немецких виршах нет ни складу ни ладу, и таким переводом мне себя пристыдить весьма не хочется»⁸³. На что Г. Н. Теплов просит «Михайлу Васильича» все же перевести Штелиново, но предлагает еще и «сочинить такие стихи, какие... пристойны покажутся», и напоминает: артиллерийская канцелярия «то употребит, что ей от высокого места опробовано будет»⁸⁴. Место Теплов не называет: они оба знают его. Нам же о том, что за место и кто именно выбирает

проекты фейерверков и надписи к ним, открывает ордер Шумахера, где сказано, что «Главная Артиллерия» требует проект иллюминации, в том числе сочинения профессора Ломоносова и советника Штелина, «изготовить заранее для подания Ея Императорскому Величеству ко апробации»⁸⁵. Выбирала императрица. Это была обычная практика.

Полагаю, что посвячительные надписи на произведениях изобразительного, пространственного, искусства (скульптурный монумент, памятная медаль, фейерверк) – *эпиграфика* – соотносимы с надписью на пьедестале памятника, изображенного в картуше «Плана» Петербурга, который представляет собой эстамп – станковую гравюру. А значит, аналогии, приведенные здесь в качестве аргументов, правомочны.

* * *

С. И. Николаев пишет о том, что Петр I, как никто до него из русских монархов, придавал значение *слову*, «был олицетворением идеи homo scriptus на троне», о «прирожденном красноречии» Петра, о его даре слова⁸⁶.

Похоже, что Елизавета в неизвестной пока степени унаследовала этот дар, ту «литературную жилку первых государей из дома Романовых», о которой писал в 1977 г. А. М. Панченко⁸⁷, – дожившее до наших дней выражение «Делу время и потехе час» принадлежит, как известно, деду Елизаветы Петровны.

Распространен образ Елизаветы как ленивой, невежественной, «не прилежавшей к письменному делу»⁸⁸ государыни, не написавшей ничего, кроме «ничтожных записок», где «неправильность правописания соперничает с бедностью мысли»⁸⁹. Однако хорошо известно, что этот стереотип основан на «Записках» Екатерины, оговорившей «тетушку» (о том, что Екатерина II «несправедливо зло» отзывалась о времени Елизаветы и «с насмешкой» – о ее деятельности, чем «задала тон в отношении Елизаветы», писал историк С. Ф. Платонов⁹⁰; о том, что «Записки» Екатерины – «это не свидетельства объективного наблюдателя, а откровенное, порой грубое, сведение задним числом счетов со своими соперниками», – заключил в исследовании о Петре III А. С. Мыльников⁹¹; о «вытеснении» Екатериной «елизаветинского царствования из участия в петербургском мифе», о ревнивном ее отношении к елизаветинскому двору, который «многие полагали более утонченным, нежели Екатеринин», об «уничтожающих аллегориях», примененных Екатериной к Елизавете в сказке «Февей», повествует исследователь литературной деятельности Екатерины Вера Проскурина⁹²; о традиции критического анализа «Записок» Екатерины, сложившейся за последние сто лет в нашей историографии, кратко сказано в моей статье⁹³).

Есть и другие источники предвзятого взгляда на Елизавету. Это депеши послов, сообщавших своим государям то, что тем хотелось слышать («Мне надоело читать в твоих депешах почти слово в слово то, что я написал тебе!» – отвечал в раздражении Фридрих II на сообщение одного из своих посланников⁹⁴). Это памфлет М. М. Щербатова и рассуждения Н. И. Панина, обиженных на Елизавету, один по политическим, другой по личным причинам⁹⁵. Это «Записки» сосланного Елизаветой в Сибирь Б. Х. Миниха, написавшего свое сочинение «по заданию Екатерины II»⁹⁶ – оно было издано в 1774 г. за границей, поскольку в России живы были люди, помнившие недавнее прошлое, вкривь и вкось перетолкованное автором. Это сочинения Валишевского, которые теперь, увы, широко используют как первоисточник. И так далее. (Принижение в историографии, и XIX в., и современной, роли Романовых и особенно Елизаветы Петровны,

с опорой на «Записки» Екатерины, пытавшейся, словно кукушонок, вытеснить из «гнезда» истории образ предшественницы, обусловлено идеологическими, династическими, политическими, карьерными и прочими конъюнктурами, к науке отношения не имеющими. Изображение Елизаветы Петровны невежественной особой, несамостоятельной монархиней стало, помимо прочего, «изводом» на материале XVIII в. норманнской теории: «Только Екатерина II – немецкая принцесса, в которой не было ни капли русской крови, – сделала Российскую империю великой; Петр I всего лишь прорубил окно в Европу», – такова точка зрения тех, кто сегодня старается избегать даже упоминания Елизаветы Петровны, предпочитая называть ее время «послеаннинскими десятилетиями».)

Но есть и другой взгляд. Основанный на документах, архивных данных, на сведениях и фактах, которые не принято замечать⁹⁷. Это каталоги французской библиотеки Елизаветы Петровны⁹⁸. Это письма Екатерины I, приоткрывающие, насколько серьезно Петр относился к образованию дочерей: получал отчеты «мастера», отвечавшего за их обучение, сам экзаменовал («прослушивал») царевен, поощрял их успехи⁹⁹. Это данные об учителях, о «целой коллекции лексиконов, грамматик и книг для царевен», о том, что отец дарил им уникальные книги по русской истории (на одном из томов Лицевого летописного свода, что хранится в Отделе рукописей БАН, есть надпись: «1724 августа 20 сия книга принята от рук его величества для дне рождения государыни цесаревны» – речь о Наталье Петровне, родившейся 20 августа 1718 г.¹⁰⁰). Свидетельство современника: «царевны хорошо обучены». Отмеченное Ж. Кампредоном, Б. Х. Минихом, Д. Рондо и другими владение Елизаветой немецким, французским, итальянским, шведским, финским языками (что, надо сказать, было обычным явлением для новой российской столицы, где обитало «множество разных народов» – с «древним Вавилоном» сравнивал «юный Петербург» один из путешественников: «Пожалуй, не найти другого такого города, где бы одни и те же люди говорили на столь многих языках... Можно постоянно слышать, как слуги говорят то по-русски, то по-немецки, то по-фински...»¹⁰¹). Это отзывы леди Рондо о Елизавете-цесаревне, «разумные и основательные суждения» которой раскрыли проницательной англичанке, что «ее легкомыслие и чрезвычайная веселость» – «притворство», и она в этом «не вся»¹⁰². («...Она умеет притворяться лучше всех на свете», – писал Даллон о Елизавете в депеше от 25 октября 1742 г.¹⁰³) Это реплика голландского резидента Данила Дедье с замечанием о Елизавете-императрице после «конфиденциальной аудиенции» в Янтарном кабинете: «Не думаю, чтобы королева английская Елизавета, которую историки так много хвалят, с бóльшим искусством и приятностию рассуждать умела»¹⁰⁴.

Есть сведения о работе дочери Петровой с документами, которые она не просто «апробовала», но трудилась над текстами (вот что сообщает о работе Елизаветы Петровны с бумагами историк, опирающийся на документы РГАДА, АВПРИ, РГВИА, ОПИ ГИМ и другие источники: «Получив папку, в которой лежало до пятнадцати депеш, мемуаров и проектов указов, она первым делом читала и подписывала распоряжения, возвращая их через сутки. Реляции и доклады... задерживала на десять дней, на месяц, реже на два или три месяца, а отдавала документы в коллегии частями, по мере использования... На аудиенциях с министрами государыня рассматривала от десяти до тридцати вопросов за раз. Важнейшие рапорты и реляции всегда читала сама. Менее значимые документы, в зависимости от настроения, могла попросить огласить докладчика. Разного рода поздравительные и уведомительные грамоты, курьезные истории...

предпочитала выслушивать... Правилу повторно просматривать на досуге любые важные бумаги она ни разу не изменила»¹⁰⁵). Обдумывала: в рескрипте от 6 февраля 1742 г. в Париж А. Д. Кантемиру сообщала, что союзный договор с Англией, доставшийся ей от предшественников, пока не утвердила, но «взяла себе его текст, чтобы рассмотреть на предмет наличия каких-либо антифранцузских статей, т. к. не желает, чтобы договор с Лондоном был в ущерб интересам Версаля»¹⁰⁶. Оценивала: «Посылаемое от вас письмо об известном деле все так составлено, как должно», – гласит записка с подписью «Елисавет» и пометкой графа Воронцова «получено 14 ноября 1758 года»¹⁰⁷; «не так написано...» – отвергает другая записка императрицы черновую формулировку «Указа бывшей следственной о Степане Лопухине и его сообщниках комиссии»¹⁰⁸. Редактировала: С. М. Соловьев не раз цитирует ее правку указов Сената («...велела зачеркнуть слова „как то некоторым образом доньше происходило“ и написать именно: чтоб впредь не так поступали, как в минувшую шведскую войну происходило...»¹⁰⁹). Писала собственноручно: совсем недавно обнаружен *подлинник* указа об отмене смертной казни («о нечинении смертной экзекуции»), *составленный императрицей собственноручно* «в качестве заключения по поводу представленного ей доклада Сената, на тех же листах»¹¹⁰; другой пример – указание А. Н. Бенуа на «книгу *собственноручных предписаний* Елизаветы Петровны» по вопросам строительства в Царском Селе, упоминание которой он встретил в описи дел царскосельского архива¹¹¹.

«Голос Елизаветы в сохранившихся документах» исследователи слышат «вполне отчетливо»¹¹². «Лучше нам оставить за собою малое, да нужное, а шведам уступить большее и им нужное, да нам не нужное. <...> Шведам большая часть Финляндии останется, а нам... нужное для удержания соседей от неприятельских нападений, которых ожидать надобно от лежащих по морю мест», – цитирует Е. А. Погосян ответ государыни на «мнения» членов «высокого собрания», обсуждавшего вопросы войны и мира в феврале 1743 г.¹¹³ Автор «Путеводителя» по внутреннему елизаветинскому законодательству «опознаёт» слог императрицы: «В указе о постройке каменного Гостиного двора есть поразительная, прямо-таки поэтическая фраза: императрица говорила, что надо посоветоваться со специалистами, „каким фасом оный двор прелестнее сделать“»¹¹⁴. Бумаги хранят отзвуки споров государыни с канцлером Бестужевым: «А мое мнение такое: понеже дело деликатное, то надлежит подумать... нет ли тут интрихи пруской и французской... чтоб... и Данию от нас от союза отвлещи...»¹¹⁵ Владение словом проявляется и в ее резолюциях на доклады: «Может быть он добрый солдат, да худой министр» – на предложение назначить П. А. Румянцева канцлером¹¹⁶; «Когда он плут, то доказать надлежит» – на выпад одного из ее сановников в адрес креатуры соперника¹¹⁷.

Таких свидетельств могло быть больше. Были, вне всяких сомнений, бумаги Кабинета Елизаветы – ее личной канцелярии (как бумаги кабинетов Петра I, Екатерины II, Анны Иоанновны и других, что хранятся в РГАДА). Следы архива Елизаветы остались в записях Екатерины и ее секретаря¹¹⁸. И где же он? В РГАДА сохранились лишь остатки, о местонахождении которых приводят разные сведения даже специалисты этого хранилища. Есть основания думать, что архив Елизаветы в значительной части уничтожен Екатериной так же, как это случилось с архивами Н. И. Панина, Н. И. Новикова, графа Гюлленборга, М. В. Ломоносова, с архитектурно-художественной системой Ораниенбаума...¹¹⁹

Обратимся, наконец, к данным о поэтических опытах Елизаветы. Ей приписывается песня «Во селе, селе Покровском»¹²⁰; *автограф* ее стихотворения «Всякий рассуждает, как в свете б жить...» хранится в РНБ¹²¹; другой автограф – начало акростиха, «писанного на осьмушке рукою Елизаветы Петровны», – опубликован в «Архиве князя Воронцова»¹²²; Г. Р. Державин в трактате «Рассуждения о лирической поэзии» приводит ее песню «Чистый источник...» и, уточнив, что авторство приписано Елизавете преданием, тем не менее сообщает: «...она сама благоволила снисходить на сию забаву»¹²³ – забаву сочинять стихи. И в этом нет ничего из ряда вон выходящего: историки отметили «рост дилетантского письма в среде образованных людей» первой половины XVIII в. «При Петре возникло и быстро размножилось племя дилетантов». «Вилем Монс с Егором Столетовым... были элегическими поэтами-дилетантами». «Сама... Елизавета Петровна подвизается на этом поприще», – перечисляя А. М. Панченко¹²⁴. Добавим сведения о прочитанном семилетним сыном Дмитрия Кантемира Сербаном панегирика русскому царю собственного сочинения «в присутствии Петра I» в 1714 г. на Пасху¹²⁵ (это не могло не произвести впечатления на пятилетнюю Елизавету, если она, что вполне вероятно, присутствовала на праздничном поздравлении), о «стихотворном прощении придворных певчих Журавля и Кружка, поданном царице Екатерине I»¹²⁶. «При Елизавете Петровне, – продолжил этот ряд В. О. Ключевский, ссылаясь на А. Т. Болотова, – на ниву русского просвещения пал... освежительный дождь амурных песенок, усердно сочинявшихся доморощенными стихотворцами с легкой руки Сумарокова»¹²⁷. Умение слагать стихи стало в елизаветинское время обязательной принадлежностью светского человека. Екатерина II в своих «Записках» рассказывает, что ее, тогда великой княгини, приятели, «каждый раз, когда хотели отделаться от Чоголокова» (обер-гофмейстера «малого двора»), «просили его сочинить новую песню» – и «он с большою готовностью сейчас же садился в угол комнаты... и принимался за свою песню, что заполняло весь вечер. Потом находили песню прелестной... Лев Нарышкин клал их на музыку и пел с Чоголовым...». «У меня была толстая книга его песен, не знаю, что с ней стало», – заканчивает эпизод мемуаристка¹²⁸. Елизавета могла участвовать в подобных забавах в конце 1720-х гг., когда развлекалась в обществе влюбленного в нее Петра II, подружившегося тогда же с князем Антионом Кантемиром, который, «вращаясь в кругу придворного общества и находясь в близких отношениях с юным царем»¹²⁹, писал в тот период, как сам позже отметил, любовные песни¹³⁰. Зорко наблюдавший за развитием отношений отрока-царя с теткой-цесаревной испанский посол обратил внимание на «ум, способности и искусство ее»¹³¹.

Стихи, связываемые с Елизаветой, разумеется, дилетантские (хотя они вошли в сборники песен и романсов, их автор внесена в словарь русских писательниц, им посвящены исследования¹³²). Но нам важно не это и даже не вопрос, были ли они ее собственного сочинения. В нашем случае важно, что она проявляла *интерес* к слову (в собрании французских книг Елизаветы Петровны был учебник красноречия¹³³, обозначенный Тредиаковским в каталоге: «Способ как учить и учиться краснословным наукам»). А в учебнике «Юности честное зеркало», составленном повелением ее отца и при его участии, читаем знаковые для честолюбивой цесаревны, мечтавшей о власти и сознававшей уязвимость своего положения дочери «лифляндской портомой», рожденной до брака ее родителей, наставления: «Слава ничем кроме науки не приобретается... Всего нужнее знать прямую Реторику... Она подает искусный способ к получению милости от Принцов

и великих Лиц... Сверх того чрез нея можно властелином учиниться над человеческими сердцами, и обращать по своей воле солдатския и народныя мнения»¹³⁴). Ее интерес к поэзии подтверждают ее *автографы* со стихами. Елизавета, несомненно, *слышала* слово: она была музыкальна – пела (к известному свидетельству Я. Штелина о том, что «сильная» в хоровой музыке Елизавета «пела вместе с хором сложнейшие мотеты в своей домашней церкви»¹³⁵, добавилась недавняя атрибуция памятника из бронекладовой Русского музея – шестнадцати рукописных «книг нотного пения» (поголосников с 16-голосными духовными концертами) в серебряных переплетах: та из них, что содержит партию «дишканта первого», принадлежала императрице Елизавете (остальные – певчим придворного хора), что доказано исчерпывающе¹³⁶), посещала концерты и оперы, присутствовала на многочасовых репетициях («генеральных пробах»), которые прослушивала до конца, давала указания¹³⁷, она распоряжалась инструменталистами (так, заметив неполноту звучания партитуры в оперных и балетных спектаклях, императрица «великолепным музыкантам, которым постоянные похвалы... вскружили головы и они начали небрежно выполнять свои обязанности», повелела «суровым указом», чтоб «гоф музыканты... все играли неотменно», а не «вставляли и выходили из оркестра прочь»¹³⁸), певцами (первоначально хор императорских придворных певчих, «полный и великолепный» при Елизавете Петровне, «не использовался ни в каком другом виде музыки, кроме как при богослужении», поскольку государыня «ради сохранения настоящей и более древней русской церковной музыки... не разрешала, чтобы итальянский вкус (столь любимый ею в другой музыке) примешивался в нее»¹³⁹; однако уже в 1742 г., вняв доводам Штелина, она распорядилась о включении своих певчих в состав исполнителей оперы «Титово милосердие»; в 1749 г. появилась «Инструкция певчим», предписывавшая обучать придворных хористов как «партесному пению» (русскому многоголосью), так и «итальянской манере»¹⁴⁰; с начала 1750-х по «Высочайшему ЕИВ указу» итальянец Анджело Вакари стал заниматься с русскими придворными певчими¹⁴¹, причем один из них, «молодой певец с Украины по имени Гаврила», так преуспел, что «пел труднейшие итальянские арии с искуснейшими каденциями и изысканнейшими украшениями»¹⁴². «Именно этот приятный певец и несколько других его земляков, – рассказывает там же Штелин, – дали повод императрице поставить полную оперу на русском языке, который, как известно, благодаря своей мягкости, многим гласным и собственному благозвучию, ближе других европейских языков подходит к итальянскому», – весьма убедительный пример того, насколько императрица *слышала* и музыку, и слово). А это значит, что она умела ценить и литературу. Разве не о ее литературном вкусе свидетельствует, например, наблюдение Н. Ю. Алексеевой: говоря о том, что Елизавета «явно не жаловала» од Сумарокова, и называя его «журнальные оды 1750-х гг.» «беспомощными» (а других сумароковских од умершая в декабре 1761 г. Елизавета не застала), исследователь тем самым косвенно признаёт, что императрица «не жаловала» именно «беспомощные» оды¹⁴³.

* * *

Елизавета Петровна заказывала русские драмы, либретто опер, пожелала получить русскую историю в «штيله» Ломоносова, инициировала переводы, издания, конкурсы. Ценила творчество Ломоносова, Сумарокова, Тредиаковского, поддерживала их своим вниманием. Выразительная иллюстрация – фрагмент из «Письма к Ломоносову 1784 года» Осипа Козодавлева:

Елисавета лишь стихи твои прочла,
 То слава всюду их с восторгом разнесла.
 Придворные узнать лишь только то успели,
 Читать стихи твои уж наизусть умели,
 И всякий их таскал с собою во дворец.
 Кто лишь писать умел, тот сделался творец
 Иль песен, или од; и все к тому стремились...¹⁴⁴

Напомнившая об этом опусе Вера Проскурина сочла нужным заметить в своей книге, что, «изображая... взаимоотношения Ломоносова и Елизаветы», автор «Письма» их «деформирует», однако не привела ни единого тому доказательства¹⁴⁵, в то время как историко-культурный контекст и конкретные данные подтверждают показанную в цитированном отрывке роль императрицы в популярности стихов Ломоносова при дворе, в том самом «русском обществе», которое В. О. Ключевский назвал «разнообразно взволнованными умами». «Эти умы были несколько *подготовлены*; если не прямо к новым идеям, то вообще к новизнам в мышлении, как и в жизни. Подготовка началась с самой половины того века... с того же времени (елизаветинского. – Е. Г.) в русском обществе пробуждаются *литературные и эстетические вкусы, развивается охота к чтению, к романам, романсам, музыке*, к занятиям, развивающим чувства, а чувства – предтечи идей»¹⁴⁶. Не эту ли атмосферу елизаветинского двора описывает в приведенном отрывке из «Письма к Ломоносову» и младший современник Козодавлев, чья мать была племянницей Елизаветы Петровны, а бабушка – двоюродной сестрой императрицы и ее статс-дамой?

Современный исследователь дополняет мысль Ключевского и Козодавлева, называя Петербург середины XVIII в., где находился императорский двор, местом «тонкой обработки человеческого материала», «совершенным и благородным училищем», «академией российского дворянства» – «и не просто потому, что в нем сосредоточились новые учебные заведения; еще важнее было то, что в нем видимо и ощутимо воплотилась барочная *идея славы* – не отвлеченной славы вообще, а славы как органического свойства барочного государя, как излучения, которым пронизывает всю окружающую среду» само его присутствие¹⁴⁷. Обозначенный здесь феномен подтверждается известными фактами о поворотном моменте в судьбе одного из самых грандиозных деятелей русского XVIII в. Г. А. Потемкин в юности был увлечен, как мы знаем, богословием, историей религии, однако, попав в Петербург и будучи представлен И. И. Шуваловым в числе 12 достойнейших студентов Московского университета императрице, не смог, вернувшись в Москву, продолжать учебу в избранном ранее направлении, но стал «искать другого поприща» и настолько «углубился в важнейшие науки и в чтение жизней великих и славных мужей и других военных и политических книг... *положа в мысли достигнуть знаменитости*», что был отчислен из университета «за нехождение в классы»¹⁴⁸. Очевидно, что именно при дворе Елизаветы Петровны этот ключевой персонаж будущего екатерининского царствования вдохновился той самой «идеей славы», получил импульс, сделавший его со временем «человеком, за которым ухаживали королевские особы и который долгие годы держал в своих руках судьбы родины и Европы». Не случайно именно Потемкин способствовал впоследствии «реабилитации» И. И. Шувалова в глазах Екатерины, настоял на его возвращении в 1777 г. в Россию и организовал

формальное примирение его с императрицей, признавшей, что они – «одной матери дети». Следы подобного влияния можно отметить в судьбах других знаковых фигур екатерининского царствования и русской культуры XVIII в. Например, Е. Р. Дашковой, которая была крестницей Елизаветы, ее сестры – фрейлинами при дворе, елизаветинский вице-канцлер – наставником, в семье которого она воспитывалась, а придворный театр – началом той самой «тонкой обработки», как свидетельствует признание ее брата Александра: «При дворе два раза в неделю давались французские представления; отец возил нас туда. Я упоминаю об этом обстоятельстве, потому что оно с самого раннего детства содействовало развитию в нас решительной склонности к чтению и литературе... В 12 лет я уже был хорошо знаком с Вольтером, Расином, Корнелем, Буало и другими французскими писателями»¹⁴⁹. Другой пример – Г. Р. Державин, которого гимназистом привез в Петербург директор учрежденной в Казани в елизаветинское царствование гимназии М. И. Веревкин и представил И. И. Шувалову. Еще пример – Д. С. Бортнянский, малолетним придворным певчим испытавший на себе внимание и заботу императрицы¹⁵⁰. Даже Г. Н. Теплов, приставленный к персоне будущего президента ПАН, с чего началась его головокружительная карьера. И многие другие. Именно об этом влиянии императрицы, об упомянутой Ключевским *подготовке* – известная мысль С. М. Соловьева: Елизавета «призвала к служению... новое поколение русских людей».

Размышляя в эссе «Были ли писателями дети Алексея Михайловича?», С. И. Николаев не сомневается лишь в одном случае – в отношении Петра I, поскольку «его участие в литературной жизни подтверждается многочисленными фактами»¹⁵¹. Достаточно ли приведенных здесь, а также оставшихся за рамками этой статьи фактов подобного участия Елизаветы, чтобы «всю совокупность» этих ее «проявлений литературности», как выражается С. И. Николаев о Петре (а мы добавим о направляющем участии дочери Петровой еще и в художественной, научной, культурной жизни), признать, пользуясь формулой того же автора, «особым родом культурной деятельности»?

* * *

Н. Ю. Алексеева, рассказывая об истории издания сочинений Тредиаковского, отмечает *загадочную роль императрицы*¹⁵². Елизавета Петровна оставила много загадок. Она сама способствовала созданию своего ложного образа, «играя в прятки» и намеренно, и вынужденно. Полуопальной, но стремившейся к власти цесаревной под надзором грозной кузины-императрицы успешно притворялась равнодушной к политике втреницей. Нерешительной трусихой представала перед Штарди и Нолькеном, за французскую и шведскую помощь в завоевании престола вымогавшими у нее компрометирующую подпись под гарантиями вернуть Швеции земли, отвоеванные ее отцом. Действующим политиком лавировала между партиями, созданными ею же самой для получения разносторонней информации и различных ее оценок («дух партий, каковой почитают обычно болезнью правлений республиканских, при дворе русском являет себя в самом лоне деспотизма, и императрица... сама старается его поддерживать», – констатировал прусский посланник при дворе Елизаветы К. В. фон Финкенштейн в разделе своего отчета о русском дворе, озаглавленном «Кто на две партии разделяется»¹⁵³). За фигурой «прикрывающего министра», «русского Ришелье» (в разные годы это были Арман Лесток, А. П. Бестужев-Рюмин, И. И. Шувалов) укрывалась от возможных заговорщиков, получала «свободу маневра», время на обдумывание («она умела думать

и долго думать», – писал С. М. Соловьев) для принятия взвешенных решений. Наконец, играла, как художественно одаренный человек эпохи барокко с его театральными эффектами, причудами, метаморфозами, – шутила, кокетничала, скрывалась. Она умела и любила играть, делала это органично и талантливо.

Мы же, занимаясь наукой, должны попытаться понять эту игру, учитывая, что борьба за власть – это решение задачи, требующей незаурядного ума и артистизма, знаний, выходящих за пределы обычного понимания; что это, наконец, игра со смертью. И выигравший в этой изощренной, смертельно опасной игре (а не получивший трон естественным ходом событий или по прихоти предшественника, как это было, например, с Анной Леопольдовной, которая, не будучи ни умной, ни целеустремленной, ни умелой, не справилась даже с полученной автоматически властью и погибла самым печальным образом) по определению не может не быть умным, деятельным, много знающим и умеющим в том числе прятать, не показывать ум.

Мы обязаны представить историко-художественный процесс во всей полноте, раскрыть, как влияла на художественную и литературную культуру своей эпохи Елизавета Петровна – именно она, впитавшая искусство властвовать, подрастая рядом с великим отцом, – а не только и не столько ее фавориты и канцлеры. Поскольку именно «от государя», по словам современника, в эпоху просвещенного абсолютизма шло распространение культуры: «сперва на вельмож, а потом и на других граждан»¹⁵⁴ (пример от Я. Я. Штелина: «В течение 20 лет спокойного правления Елизаветы музыка при ее Дворе находилась в расцвете и, как следствие, *благодаря обычному подражанию*, в совершеннейшем почете у дворян. <...> Тонкий вкус к музыке распространился в России, сделался общим для всех благовоспитанных людей»¹⁵⁵). Другой, современный нам, автор пишет: «Особая заслуга монархии в том, что, когда в ней присутствует необходимая доля автократии, а во главе ее стоит высокообразованный и утонченный государь, она способна по инициативе монарха собрать целое созвездие выдающихся людей и образовать из них блестящий двор. Его личный патронаж, не требующий никакого чиновничьего участия, открывает возможность смелого выбора и обеспечивает им содержание; поощрение с его стороны освобождает и подвигает ученого или художника к свершениям гораздо энергичнее, чем какая-либо бюрократия или рыночные отношения»¹⁵⁶. Так распространялось просвещение и в России середины XVIII в., в чем роль Елизаветы Петровны раскрыть еще предстоит (упрека в монархизме не принимаю: исследуется же вклад в дело просвещения Петра I, Екатерины II, Фридриха II, Людовика XIV, Кристины Шведской и других монархов).

Наше *представление* о значении «веселой царицы» в отечественной культуре (позволю себе напомнить о ступенях, по которым, в соответствии с теорией познания, продвигается освоение любого материала: *представление – понимание – знание*) до сих пор зиждется на весьма шатком основании вроде нелепицы (остроты, проказы в духе «устной игровой культуры» той же природы, что и «новеллистическое вольномыслие», «барочная кощунственная шутка»¹⁵⁷), записанной М. М. Щербатовым со слов известного в свое время шутника, «бойкого канцеляриста» Д. В. Волкова (Екатерина II о Волкове сообщила: он «голову имеет необыкновенную... быстр, красноречив, но ветрен до крайности... писал хорошо... любил выпить и веселиться»¹⁵⁸, ярко характеризует Волкова остроумная и рискованная авантюра: будучи секретарем Иностранной коллегии, он внезапно сбежал со службы и скрылся в можайской деревне, чтобы «громким и скандальным

выходом на императрицу» спасти свою карьеру, чего и достиг с блестящим результатом¹⁵⁹). «Шепнув по секрету» шутку о непросвещенной государыне, «Волков посмеялся над историком», – считает современный исследователь¹⁶⁰, а тот «принял за чистую монету и процитировал нелепость в собственном сочинении»: «Сия государыня... никакого просвещения не имела, так что меня уверил Дмитрий Васильевич Волков, бывший конференц-секретарь, что она не знала, что Великобритания есть остров...»¹⁶¹ Тогда как среди французских книг Елизаветы издания по географии занимали второе место по количеству после исторических и содержали весьма совершенные карты, в том числе – Британских островов¹⁶², а в Кабинете – личной канцелярии императрицы – был глобус, служивший отнюдь не декоративным элементом убранства: для его изготовления использовалось самое свежее издание авторитетнейшего в Европе атласа Гийома Делля (см. «Дело об изготовлении при Академии наук по распоряжению барона Черкасова глобуса для Кабинета Ея Императорского Величества»¹⁶³), причем в карты вносились и новейшие данные, открытые русскими исследователями в ходе Великих Северных экспедиций (о «ланткартах Камчатской экспедиции», отданных «для внесения из них в сочиняемую... генеральную о Российской империи карту для вырезывания оной на глобусе медном, которой зделан для Ея Императорского Величества», писал кабинет-секретарь императрицы И. А. Черкасов 14 марта 1748 г.¹⁶⁴).

Подобного же происхождения, очевидно, и неистребимая выдумка о 15 тысячах платьев Елизаветы. Поведал ее еще один представитель той же склонной к такого рода шуткам посольской, канцелярской среды, что и Волков (к тому же его непосредственный начальник), доверчивому педантичному немцу: в рукописи Я. Я. Штелина под названием «Анекдоты об императрице Елизавете Петровне», где бисерным почерком выведена строчка о гардеробе в 15 000 платьев, есть помета: «записаны от графа Алексея Петровича Бестужева-Рюмина»¹⁶⁵. (Припоминается другая «похвальба» русского человека: «Ежели наш государь с утра крови человеческой не изопьет, то ему и хлеба не естся». По зловещей мощи барочной гиперболы она далека от рокайльного образа сундучков с модными нарядами куколки Пандоры, возникающего из приведенного штелиновского анекдота, – он воспринимается в таком сравнении невинной шалостью.) «Достоверность „анекдотов“ Штелина вызывала сомнения исследователей, однако встречающиеся в них неточности, скорее всего, повторяют неточности самих рассказчиков», – предупреждает Н. Ю. Алексеева в статье о Я. Я. Штелине¹⁶⁶. Но источник несообразности о 15 тысячах платьев Елизаветы давно забыт, если вообще когда-либо был известен, и она повторяется по сей день как разнокалиберными писателями (так, в романе В. Пикуля «Пером и шпагой» названы 45 тысяч платьев) и сонмами блогеров (у них количество платьев Елизаветы увеличивается в геометрической прогрессии: максимальное из тех, что мне пришлось встретить, – 95 тысяч), так и научными сотрудниками Эрмитажа.

У нас всё еще пишут, что Елизавета Петровна «приходила в ярость от одного имени Вольтера»¹⁶⁷, но в письмах самого Вольтера¹⁶⁸ и в известном его дифирамбе зафиксирована ее просьба к нему о присылке его «Генриады»¹⁶⁹.

И мы продолжаем опираться на ошибки, от которых не свободны даже такие авторитетные академические издания, как ПСС Ломоносова, где в комментарии утверждается, будто в конкурсе на посвятельную надпись на «Плане» Петербурга 1753 г. участвовал Я. Я. Штелин, – со ссылкой на документ, прямо говорящий обратное.

- ¹ *Борисовская Н. А.* Старинные гравированные карты и планы XV–XVIII веков : космографии, карты земные и небесные, планы, ведуты, баталии. М., 1992. С. 5–6.
- ² *Красникова О. А.* Планаграфия Петербурга // Три века Санкт-Петербурга : энцикл. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2003. Т. 1, кн. 2. С. 141; *Семенов С. В., Красников О. А., Мазур Т. П., Шрадер Т. А.* Санкт-Петербург на планах и картах первой половины XVIII века. СПб., 2004. С. 182 и др.
- ³ *Les Français en Russie au siècle des Lumières : Dictionnaire de Français, Suisses, Wallons et autres francophones en Russie de Pierre le Grand à Paul Ier / sous la direction de Anne Mézin, Vladislav Rjéoutski.* Paris, 2011. Т. 2 : Notices. Второй фронтиспис. URL: <http://c18.net/18img/francais-en-russie-2.pdf> (дата обращения: 01.09.2015).
- ⁴ *Копылева М. С.* М. И. Махаев (1716–1770) // Труды Всероссийской Академии художеств. Л. ; М., 1947. Т. 1. С. 91.
- ⁵ *Гусарова Е. В.:* 1) Почему «План столичного города Санкт-Петербурга» 1753 г. – «махаевский» // ТГЭ. [Г.] 83 : Петровское время в лицах – 2016 : материалы науч. конф. СПб., 2016. С. 97–119; 2) Зачем Елизавете Петровне нужен был план Петербурга // ТГЭ. [Г.] 97 : Петровское время в лицах – 2018 : материалы науч. конф. СПб., 2018. С. 102–127.
- ⁶ *Кочеткова Н. Д.* Литературные посвящения в русских изданиях XVIII – начала XIX века. Статья первая. Особенности жанра // XVIII век / ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН. СПб., 2002. Сб. 22. С. 66–81.
- ⁷ Атлас Всероссийской Империи. Собрание карт И. К. Кирилова. СПб. 1722–1737. URL: <https://runivers.ru/bookreader/book16667/#page/12/mode/1up> (дата обращения: 25.10.2019).
- ⁸ *Князев Г. А.* Академический план С.-Петербурга 1753 г. (историко-географическая справка) // Известия Всесоюзного географического общества. 1953. Т. 85, вып. 3. С. 252–268.
- ⁹ *Алексеева М. А.:* 1) Документы о творчестве М. И. Махаева // Русское искусство XVIII – первой половины XIX в. : материалы и исследования. М., 1971; 2) Михайло Махаев – мастер видового рисунка XVIII века. СПб., 2003; *Малиновский К. В.:* 1) М. И. Махаев. 1718–1770. Л., 1978; 2) Михайло Иванович Махаев. СПб., 2008.
- ¹⁰ СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 803. Л. 159.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Там же.
- ¹³ Там же. Д. 178. Л. 45–46.
- ¹⁴ Там же. Л. 46 об.
- ¹⁵ Там же. Д. 129. Л. 264.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Там же. Л. 266.
- ¹⁸ Там же. Д. 178. Л. 46, 58.
- ¹⁹ Там же. Л. 58 об. – 59, 59 об.
- ²⁰ Там же. Л. 90.
- ²¹ Там же. Л. 50.
- ²² Там же. Л. 51.
- ²³ Там же. Л. 91.
- ²⁴ *Алексеева М. А.* Михайло Махаев ... С. 84.
- ²⁵ *Ломоносов М. В.* ПСС. М. ; Л., 1959. Т. 8. С. 1009–1010.
- ²⁶ СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 178. Л. 91. Благодарю сотрудника СПбФ АРАН Елену Николаевну Груздеву за оперативную помощь в дополнительной перепроверке этой информации.
- ²⁷ *Бабич М. В.* Государственные учреждения России XVIII века : справочное пособие. М., 1999. Вып. 1. С. 8.
- ²⁸ СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 178. Л. 52 об. – 57.
- ²⁹ Там же. Л. 52 об.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Там же. Л. 56 об.
- ³² Там же. Л. 57.
- ³³ *Алексеева М. А.* Михайло Махаев ... С. 83–84.
- ³⁴ *Малиновский К. В.* Михайло Иванович Махаев. С. 86.
- ³⁵ СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 178. Л. 121.
- ³⁶ *Лихтенан Ф. Д.* Елизавета Петровна. Императрица, не похожая на других / пер. с фр. М., 2012. С. 210–211.
- ³⁷ СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 178. Л. 101 об.
- ³⁸ МИАН. СПб., 1885. Т. 1. С. 301, № 519, п. 1.
- ³⁹ Регламент Академии наук и художеств в Санкт-Петербурге // Уставы Академии наук СССР. М., 1974. С. 44.
- ⁴⁰ СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Л. 120; Д. 464. Л. 233.
- ⁴¹ Там же. Д. 178. Л. 121.
- ⁴² Там же. Л. 120; Д. 464. Л. 233.

- ⁴³ *Успенский Б. А.*: 1) Первая русская грамматика на родном языке. М., 1975. С. 21 и далее; 2) Вокруг Тредиаковского : труды по истории русского языка и русской литературы. М., 2008 и др.
- ⁴⁴ Благодарю Константина Юрьевича Лаппо-Данилевского за вопрос, заданный мне при обсуждении моего доклада на заседании Отдела изучения русской литературы XVIII в. ИРАИ РАН в июне 2018 г., – вопрос, побудивший меня провести дополнительные архивные разыскания для доведения расследования до логического конца и по возможности полно изложить историю создания посвяtitельной надписи на «Плане».
- ⁴⁵ *Писаренко К. А.* Елизавета Петровна. М., 2014. С. 242.
- ⁴⁶ Там же. С. 243.
- ⁴⁷ СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 150. Л. 116; Д. 596. Л. 19, 194 и др.
- ⁴⁸ *Писаренко К. А.* Елизавета Петровна. С. 243.
- ⁴⁹ РБС. СПб., 1912. Т. 20 : Суворова – Ткачев. С. 473.
- ⁵⁰ *Пекарский П. П.* История Императорской академии наук в Петербурге. СПб., 1873. Т. 2. С. XXI.
- ⁵¹ *Кочеткова Н. А.* Теплов Григорий Николаевич // Словарь русских писателей XVIII в. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=10378> (дата обращения: 25.10.2019).
- ⁵² *Она же.* Литературные посвящения в русских изданиях XVIII века. Статья вторая. Посвящения государю // XVIII век / ИРАИ (Пушкинский Дом) РАН. СПб., 2004. Сб. 23. С. 41.
- ⁵³ *Ломоносов М. В.* ПСС. Т. 8. С. 82–102, 896.
- ⁵⁴ Подробно см.: *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. М. ; Харьков, 2001. Кн. 11 : 1740–1748. С. 229; 281–290.
- ⁵⁵ СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 491. Л. 191.
- ⁵⁶ Летопись жизни и творчества М. В. Ломоносова, 1751 г. URL: <http://lomonosov.niv.ru/lomonosov/bio/letopis-zhizni-i-tvorchestva/1751.htm> (дата обращения: 25.10.2019).
- ⁵⁷ *Серман И. З.* Литературно-эстетические интересы и литературная политика Петра I // Проблемы литературного развития в России первой трети XVIII в. Л., 1974. С. 47–48. (XVIII век ; сб. 9).
- ⁵⁸ *Панченко А. М.* История русской литературы : в 4 т. / ИРАИ (Пушкинский Дом) РАН. Л., 1980. Т. 1 : Древнерусская литература. Литература XVIII века. С. 380.
- ⁵⁹ [*Денисов Ю. М.*] Растрелли и Елизавета. Эпоха барокко : каталог юбилейной выставки к 300-летию Франческо Бартоломео Растрелли. СПб., 2000. С. 18.
- ⁶⁰ Подробно см.: *Гусарова Е. В.* Зачем Елизавете Петровне нужен был план Петербурга. С. 109–114.
- ⁶¹ *Алексеева М. А.* Гравировальная палата : (исторический очерк) // Гравировальная палата Академии наук XVIII века : сб. док. / сост. М. А. Алексеева, Ю. А. Виноградов, Ю. А. Пятницкий. Л., 1985. С. 40–41.
- ⁶² *Лиштенан Ф. А.* Елизавета Петровна: портрет женщины у власти // Россия в XVIII столетии. Вып. 4. М., 2013. С. 51.
- ⁶³ ПСЗ. СПб., 1830. Т. 12. № 9381.
- ⁶⁴ Там же. № 8912.
- ⁶⁵ МИАН. СПб., 1900. Т. 10. С. 274–275, № 345.
- ⁶⁶ *Малиновский К. В.* Михаил Иванович Махаев. С. 5.
- ⁶⁷ *Алексеева М. А.* Михайло Махаев ... С. 86.
- ⁶⁸ Там же. С. 83.
- ⁶⁹ См., напр.: *Королев С. В.* Надпись на «Медном всаднике»: вариант Дидро // XVIII век / ИРАИ (Пушкинский Дом) РАН. СПб., 2011. Сб. 26. С. 188–195.
- ⁷⁰ *Биллярский П. С.* Материалы для биографии Ломоносова / собраны экстраординарным академиком Биллярским. СПб., 1865. С. 159–162.
- ⁷¹ Цит. по: *Малиновский К. В.* Бартоломео и Франческо Растрелли. СПб., 2017. С. 150–151.
- ⁷² Красный архив. 1940. № 3 (100). С. 181.
- ⁷³ СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 531. Л. 97–98; Д. 260. Л. 239–239 об.
- ⁷⁴ *Ломоносов М. В.* ПСС. Т. 9. С. 703, 705.
- ⁷⁵ СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 519. Л. 336 об. – 337.
- ⁷⁶ *Малиновский К. В.* Материалы Якоба Штели-на : в 3 т. СПб., 2015. Т. 3 : Записки и письма Якоба Штели-на о театре, музыке и балете в России. С. 141.
- ⁷⁷ Цит. по: *Малиновский К. В.* Бартоломео и Франческо Растрелли. С. 58.
- ⁷⁸ РГАДА. Ф. 2. Д. 59. Л. 105. URL: <http://romanov.rusarchives.ru/elizaveta-petrovna/izobrazhenie-medali-k-koronacii-imperatricy-elizavety-petrovny> (дата обращения: 25.10.2019).

- ⁷⁹ *Малиновский К. В.* Материалы Якоба Штели-на : в 3 т. СПб., 2015. Т. 1 : Записки и письма Якоба Штелина об изящных искусствах в России. С. 399.
- ⁸⁰ МИАН. СПб., 1895. Т. 7. С. 336.
- ⁸¹ *Копанев Н. А.* Книги императрицы Елизаветы Петровны // Книга в России XVI – середины XIX в. : материалы и исслед. Л., 1990. С. 118.
- ⁸² См.: *Морозов А. А.* Эмблематика барокко в литературе и искусстве Петровского времени // Проблемы литературного развития в России первой трети XVIII в. С. 216.
- ⁸³ СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 115. Л. 10.
- ⁸⁴ Там же. Л. 11–12.
- ⁸⁵ Там же. Д. 464. Л. 201.
- ⁸⁶ *Николаев С. П.* Литературная культура Петровской эпохи. СПб., 1996. С. 6.
- ⁸⁷ *Панченко А. М.* Два этапа русского барокко // Текстология и поэтика русской литературы XI–XVII вв. / отв. ред. Д. С. Лихачев. Л., 1977. С. 104.
- ⁸⁸ *Б[артнев] П.* [Преамбула к публикации.] Императрица Елисавета Петровна и ее записочки к Василию Ивановичу Демидову // Русский архив. 1878. Кн. 1, вып. 1. С. 10.
- ⁸⁹ *Валишевский К.* Дочь Петра Великого. М., 1989. С. 77.
- ⁹⁰ *Платонов С. Ф.*: 1) Управление и политика времени Елизаветы. Внутренняя деятельность // Полный курс лекций по русской истории. URL: <http://russiahistory.ru/upravlenie-i-politika-vremeni-elizavety-vnutrennyaya-deyatelnost/> (дата обращения: 25.10.2019); 2) Время Елизаветы Петровны (1741–1761) URL: <https://history.wikireading.ru/96827> (дата обращения: 25.10.2019).
- ⁹¹ *Мыльников А. С.* Петр III. М., 2001. URL: https://royallib.com/read/milnikov_aleksandr/petr_III.html#40960 (дата обращения: 25.10.2019). С. 3.
- ⁹² *Проскурин В.* Мифы империи : литература и власть в эпоху Екатерины II. М., 2006. С. 118, 234–232.
- ⁹³ *Гусарова Е. В.* Кто спрятал библиотеку и бумаги императрицы Елизаветы Петровны? // Вольтеровские чтения : сб. науч. трудов / РНБ. СПб., 2019. Вып. 5. С. 57–58.
- ⁹⁴ Цит. по: *Фрезер Д.* Фридрих Великий / пер. с англ. М., 2003. С. 192.
- ⁹⁵ *Щербатов М. М.* О повреждении нравов в России. Факсимильное изд. М., 1984. С. 54–55; *Копанев Н. А.* Книги императрицы Елизаветы Петровны. С. 109; Письма из России во Францию в первые годы царствования Елисаветы Петровны. Письма Далнона // Русский архив. 1892. Кн. 3, вып. 10. С. 159; *Писаренко К. А.* Елизавета Петровна. С. 427.
- ⁹⁶ *Анисимов Е.* Безвременье и временщики. Воспоминания об «эпохе дворцовых переворотов» (1720-е – 1760-е годы). Л., 1991. URL: <https://www.libfox.ru/287673-evgeniy-anisimov-bezvremene-i-vremenshchiki-vospominaniya-ob-epohe-dvortsovyh-perevorotov-1720-e-1760-e-gody.html> (дата обращения: 25.10.2019).
- ⁹⁷ Подробнее см.: *Писаренко К. А.* Императрица Елизавета Петровна : мифы и реальность // Вопросы истории. 2012. № 6; *Андреев А. А.* Под скипетром «Веселой Елисаветы» : к социологической характеристике интеллектуальной истории русского Просвещения // Вестник РАН. 2014. Т. 84, № 7. С. 629–637.
- ⁹⁸ МИАН. Т. 7. С. 332–339; *Копанев Н. А.*: 1) Французские книги в Летнем доме императрицы Елизаветы Петровны // Книга и библиотеки в России в XVI – первой половине XIX в. Л., 1982; 2) Книги императрицы Елизаветы Петровны. С. 123–128.
- ⁹⁹ Эпистолярное наследие женщин царской семьи (первая треть XVIII века) / публ. Н. Ю. Болотиной // Российский архив : история Отечества в свидетельствах и документах : альманах. М., 2011. Вып. 20. С. 36–48.
- ¹⁰⁰ См.: *Лебедева П. Н.* Библиотека Петра I. Описание рукописных книг / БАН. СПб., 2003. С. 193.
- ¹⁰¹ *Хавен П. фон.* Путешествие в Россию // *Белятых Ю. Н.* Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. Введение. Тексты. Комментарии. СПб., 1997. С. 360.
- ¹⁰² *Рондо [Дж].* Письма дамы, пожившей несколько лет в России, к ее приятельнице в Англию. Письмо 20 // *Анисимов Е.* Безвременье и временщики. Воспоминания об «эпохе дворцовых переворотов» (1720-е – 1760-е гг.).
- ¹⁰³ Письма из России во Францию в первые годы царствования Елисаветы Петровны. Письма Далнона. С. 154.

- ¹⁰⁴ Цит. по: *Писаренко К. А.* Повседневная жизнь русского двора в царствование Елизаветы Петровны. М., 2003. С. 26.
- ¹⁰⁵ Там же. С. 675–677.
- ¹⁰⁶ Цитируется в пересказе (*Анисимов М. Ю.* Отказ Елизаветы Петровны от сближения с Францией в 1741–1742 гг. // *Известия Самарского научного центра Российской академии наук.* 2017. Т. 19. № 3. С. 9).
- ¹⁰⁷ Архив князя Воронцова. М., 1870. Кн. 1. С. 12.
- ¹⁰⁸ Письма и записки императрицы Елизаветы Петровны // *ЧОИДР.* 1867. Кн. 4. С. 37.
- ¹⁰⁹ *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. М., 2003. Кн. 11 : 1740–1748. С. 658–659.
- ¹¹⁰ *Мафасинова Е.* «Экзекуции не чинить». О приостановке смертной казни в России середины XVIII века. URL: <http://gefter.ru/archive/13696> (дата обращения: 28.09.2018).
- ¹¹¹ *Бенуа А. Н.* Царское Село в царствование императрицы Елизаветы Петровны. СПб., 1910.
- ¹¹² *Погосян Е. А.* Князь Владимир в русской официальной культуре начала царствования Елизаветы Петровны // *Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение.* Вып. 5. Тарту, 2005. С. 12.
- ¹¹³ Там же. С. 14.
- ¹¹⁴ *Забозлаева Т. Б.* Внутренняя политика императрицы Елизаветы Петровны : путеводитель по законодательству. СПб., 2012. С. 45.
- ¹¹⁵ Письмо принца Августа Голштинского с замечаниями императрицы Елизаветы и канцлера гр. Бестужева-Рюмина // *Русский архив.* 1863. Кн. 1, вып. 12. Стб. 909–910.
- ¹¹⁶ Цит. по: *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Кн. 11 : 1740–1748. С. 278.
- ¹¹⁷ Цит. по: *Писаренко К. А.* Повседневная жизнь русского двора в царствование Елизаветы Петровны. С. 125.
- ¹¹⁸ См.: *Гусарова Е. В.* Кто спрятал библиотеку и бумаги императрицы Елизаветы Петровны? С. 71–72.
- ¹¹⁹ Подробнее см.: там же. С. 68–75.
- ¹²⁰ С. И. Николаев считает, что песня «Во селе, селе Покровском» приписана Елизавете Петровне безосновательно (*Николаев С. И.* Литературная культура Петровской эпохи. С. 170).
- ¹²¹ ОР РНБ. Ф. 650. Ед. хр. 198.
- ¹²² Архив князя Воронцова. Кн. 1. С. 9–10.
- ¹²³ *Державин Г. Р.* Разсуждение о лирической поэзии или об оде. URL: <http://derzhavin.lit-info.ru/derzhavin/proza/razsuzhdenie/razsuzhdenie.htm> (дата обращения: 28.09.2018).
- ¹²⁴ *Панченко А. М.*: 1) Два этапа русского барокко. С. 102–104; 2) О смене писательского типа в петровскую эпоху // *Проблемы литературного развития в России первой трети XVIII века.* Л., 1974. (Сер.: XVIII век ; сб. 9). С. 128.
- ¹²⁵ *Лебедева И. Н.* Библиотека Петра I. Описание рукописных книг. С. 251–252.
- ¹²⁶ Из бумаг М. Д. Хмырова // *Исторический вестник.* 1880. Т. 3, № 11. С. 631–632. URL: http://memoirs-ru.1gb.ru/texts/StihPEVC_IV80t3n11.htm (дата обращения: 03.02.2020).
- ¹²⁷ *Ключевский В. О.* Воспоминания о Н. И. Новикове и его времени // *Ключевский В. О.* Исторические портреты. Деятели исторической мысли. М., 1990. С. 366–367.
- ¹²⁸ Записки императрицы Екатерины Второй. СПб., 1907. С. 327–328.
- ¹²⁹ *Радовский М. И.* Антиох Кантемир и Петербургская Академия наук. М. ; Л., 1959. С. 25, 97, примеч. 58.
- ¹³⁰ *Николаев С. И.* Кантемир Антиох Дмитриевич // *Словарь русских писателей XVIII века / отв. ред. А. М. Панченко.* СПб., 1999. Вып. 2. С. 17.
- ¹³¹ *Герцог Лирийский.* Записки о пребывании при императорском российском дворе в звании посла короля испанского // *Россия XVIII века глазами иностранцев.* Л., 1989. С. 200.
- ¹³² *Державин Г. Р.* Разсуждение о лирической поэзии или об оде; *Голицын Н. Н.* Библиографический словарь русских писательниц. СПб., 1889. С. 109–110; *Паламарчук П. Г.* Первая русская поэтесса // *Диалог.* 1989. № 4; *Иванов П. И.* Императрица и поэт : («Во селе, селе Покровском...») и «Станционный смотритель»: генезис сюжета // *Псков : науч.-практ., ист.-краевед. журн.* Псков, 1997. № 7. С. 57–67. URL: http://pskgu.ru/projects/pgu/storage/PSKOV/ps07/ps_07_07.pdf (дата обращения: 28.09.2018).
- ¹³³ *Rollin Charle.* De la maniere d'enseigner et d'etudier les belles lettres ... Amsterdam, 1736

- (см.: *Копанев Н. А.* Книги императрицы Елизаветы Петровны. С. 117, № 118).
- ¹³⁴ Юности честное зеркало или Показание к житейскому обхождению, собранное от разных авторов повелением Его Императорского Величества Государя Петра Великого ... и ныне четвертым тиснением напечатанное в Санктпетербурге при Императорской Академии Наук. 1745. С. 32.
- ¹³⁵ Цит. по: *Малиновский К. В.* Материалы Якоба Штелина. Т. 3. С. 293.
- ¹³⁶ *Демиденко Ю. Б.* О забытом памятнике русской музыкальной культуры елизаветинского царствования в фондах Отдела декоративно-прикладного искусства Русского музея // Страницы истории отечественного искусства : сб. статей по материалам науч. конф., посвященной истории дворцов Русского музея, Санкт-Петербург, 2018 / Русский музей. СПб., 2019. Вып. 31. С. 169–179. Благодарю заведующую Отделом научной литературы и библиографии Русского музея Юлию Владимировну Юркину, по моей просьбе оперативно приславшую мне скринны указанной статьи.
- ¹³⁷ См.: *Штелин Я. Я.* Известия о музыке в России // *Малиновский К. В.* Материалы Якоба Штелина. Т. 3. С. 186; Театральная жизнь России в эпоху Елизаветы Петровны : документальная хроника, 1741–1750 / сост., авт. вступ. ст. и коммент. Л. М. Старикова. М., 2003. Вып. 2, ч. 1. С. 53, 64, 65.
- ¹³⁸ Цит. по: *Малиновский К. В.* Материалы Якоба Штелина. Т. 3. С. 299.
- ¹³⁹ Там же. С. 183, 293.
- ¹⁴⁰ См.: Театральная жизнь России в эпоху Елизаветы Петровны. С. 537.
- ¹⁴¹ *Всеволодский-Гернрог В. Н.* Театр в России при императрице Елизавете Петровне. СПб., 2003. С. 91.
- ¹⁴² *Малиновский К. В.* Материалы Якоба Штелина. Т. 3. С. 225.
- ¹⁴³ *Алексеева Н. Ю.* Значение дружбы с Н. И. Паниным для творчества А. П. Сумарокова // XVIII век. / ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН. СПб., 2017. Сб. 29. С. 76.
- ¹⁴⁴ *Козодавлев О. П.* Письмо к Ломоносову 1784 года. URL: <https://rvb.ru/18vek/poety18veka/01text/vol2/08stihotvornaya-polemika/214.htm> (дата обращения: 25.10.2019).
- ¹⁴⁵ *Проскурина В.* Мифы империи : литература и власть в эпоху Екатерины II. С. 220.
- ¹⁴⁶ *Ключевский В. О.* Императрица Екатерина II (1729–1796) // *Ключевский В. О.* Исторические портреты. Деятели исторической мысли. С. 309.
- ¹⁴⁷ *Каганов Г. З.* Санкт-Петербург «державная Елисавет» // XX междунар. фестиваль EARLIMUSIC : альманах. СПб., 2017. С. 34.
- ¹⁴⁸ *Самойлов А. Н.* Жизнь и деяния генерала-фельдмаршала князя Григория Александровича Потемкина-Таврического // Г. А. Потемкин. От вахмистра до фельдмаршала. Воспоминания. Дневники. Письма. СПб., 2002. Кн. 1. С. 136. Благодарю сотрудника Государственного Эрмитажа Наталью Юрьевну Бахареву, подсказавшую, по моей просьбе, ссылку на цитированный источник.
- ¹⁴⁹ Архив князя Воронцова. М., 1872. Кн. 5. С. 12.
- ¹⁵⁰ *Рыцарева М. Г.* Композитор Д. С. Бортнянский. Л., 1979. С. 32.
- ¹⁵¹ *Николаев С. П.* Литературная культура Петровской эпохи. С. 117.
- ¹⁵² *Алексеева Н. Ю.* «Сочинения и переводы как стихами, так и прозой» В. К. Тредиаковского : история издания // *Тредиаковский В.* Сочинения и переводы как стихами, так и прозой. СПб., 2009. С. 483.
- ¹⁵³ Цит. по: *Лиштенант Ф. Д.* Россия входит в Европу : императрица Елизавета Петровна и война за Австрийское наследство, 1740–1750. М., 2000. С. 292–293.
- ¹⁵⁴ *Щербатов М. М.* О повреждении нравов в России. С. 37, 40.
- ¹⁵⁵ Цит. по: *Малиновский К. В.* Материалы Якоба Штелина. Т. 3. С. 10, 219.
- ¹⁵⁶ *Фрезер А.* Фридрих Великий. С. 223.
- ¹⁵⁷ Об этой природе см.: *Николаев С. П.* Литературная культура Петровской эпохи. С. 47–50; *Панченко А. М.* Переводная и оригинальная новелла // *Панченко А. М.* История русской литературы. Т. 1. С. 369–377; *Морозов А. А.* Эмблематика барокко в литературе и искусстве Петровского времени // Проблемы литературного развития в России первой трети XVIII в. (XVIII век ; сб. 9). С. 184.

- ¹⁵⁸ Записки императрицы Екатерины Второй. С. 530–531.
- ¹⁵⁹ См., напр.: *Писаренко К. А.* Повседневная жизнь русского двора в царствование Елизаветы Петровны. С. 584–598.
- ¹⁶⁰ Там же. С. 601.
- ¹⁶¹ *Щербатов М. М.* О повреждении нравов в России. С. 54–55.
- ¹⁶² *Копанев Н. А.* Книги императрицы Елизаветы Петровны. С. 114, № 17; с. 117, № 123.
- ¹⁶³ СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 96. Л. 51–55.
- ¹⁶⁴ Там же. Д. 115. Л. 311.
- ¹⁶⁵ ОР РНБ. Ф. 871. Д. 24. Л. 1.
- ¹⁶⁶ *Алексеева Н. Ю.* Штелин Яков Яковлевич // Словарь русских писателей XVIII в. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=10384> (дата обращения: 25.10.2019).
- ¹⁶⁷ *Голдовский Г.* Портрет елизаветинской эпохи // Георг Христоф Гроот и Елизаветинское время. СПб., 2016. (Русский музей представляет ... : альманах ; вып. 487). С. 11.
- ¹⁶⁸ Вольтер маркизу Даржансону 3 мая 1745 г. (D 3111); Вольтер графу Далиону 16 июня 1745 г. (D 3146) // *Voltaire. Correspondence and related documents / definitive edition by Th. Besterman. (The Complete works of Voltaire : Vol. 85–135. Genève ; Toronto ; Banbury ; Oxford, 1968–1977).*
- ¹⁶⁹ «À L'IMPÉRATRICE RUSSIE, ÉLISABETH PETROWNA, en lui envoyant un exemplaire de la *Henriade*, qu'elle avait demandé à l'auteur» («К российской императрице Елизавете Петровне, при посылке экземпляра „Генриады“, который она попросила у автора») (*Voltaire. Oeuvres de Voltaire avec préfaces, avertissements, notes, etc. par M. Beuchot. Paris, 1833. T. 14. Poésies. T. 3. P. 388.*)

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

ЭКСКУРС «КАК ИМПЕРАТРИЦА ЕЛИЗАВЕТА ПЕТРОВНА
НАПРАВЛЯЛА ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
ПЕТЕРБУРГСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК»

Не кто иной, как императрица, в 1742–1743 гг. (место президента АН с апреля 1741 по май 1746 г. пустовало), вникнув в жалобу А. К. Нартова на злоупотребления И. Д. Шумахера, учредила следственную комиссию и контролировала ее работу, выжившую голословность обвинений: глава комиссии граф Н. Ф. Головин «докладывал императрице в письменном виде» (*Пекарский П. П.* История Императорской академии наук в Петербурге. СПб., 1873. Т. 2. С. X; см. также: Доклад следственной комиссии об АН Елизавете Петровне // Русская беседа. 1860. Ч. 2; РГАДА. Ф. 248. Оп. 28. Д. 1204. Л. 600–601; Оп. 89. Д. 8122. Ч. 1. Л. 9 об. – 10).

Другое «вмешательство» государыни – история «нейтрализации» академика Ж. Н. Делиля. Обнаружив связь распрей, в которых грозило погрязнуть Академии, с интригами французского астронома, метившего в ее президенты, Елизавета отвергла его ультиматум (он желал стать президентом АН, профессором Морской академии, реорганизовать АН и требовал сообщить об этих его достижениях Людовику XV) и отпустила на родину, предварительно шесть раз (!) предложив возобновить контракт и выплатив жалование в неслыханном для мировой научной практики той поры размере (см.: *Писаренко К. А.* Повседневная жизнь русского двора в царствование Елизаветы Петровны. М., 2003. С. 304–349; *Гусарова Е. В.*: 1) Секретная миссия астронома Делиля, или Зачем Вольтер

собирался в Астрахань // Астраханские краеведческие чтения. Астрахань, 2013. Вып. 5. С. 140–161; 2) К вопросу об этической стороне «альтернативного» взгляда на деятельность астронома Делиля в России // ТГЭ. [Т.] 70 : Петровское время в лицах – 2013 : материалы науч. конф. СПб., 2013. С. 121–136; 3) Первый академический план Петербурга и роль астронома Делиля в его создании // Россия и западноевропейское Просвещение. СПб., 2016. С. 335–347). Ознакомившись с «кондициями» Делиля, императрица именно тогда, 21 мая 1746 г., «пожаловала президентом АН» К. Г. Разумовского. «Академия наук зашищения требовала и тако Ея Императорское Величество оную тем снабдила», – откомментировал коллизию хорошо информированный придворный (Письма обер-гофмейстера Х. В. Миниха Иоганне-Елизавете Ангальт-Цербстской (1745–1746) / публикация К. А. Писаренко // Российский архив. М., 2009. Вып. 18. С. 96).

Именно Елизавета, будучи еще цесаревной, помогла Г. Ф. Миллеру попасть в состав Второй Камчатской экспедиции, участие в которой сделало его впоследствии ученым с мировым именем. «Ваше Императорское Величество соизволила сама при моем отъезде в Сибирь изустно мне всевысочайше учинить обнадеживание», – писал Миллер в своем по сей день не опубликованном, отвергнутом в свое время И. Д. Шумахером посвящении «Истории Сибири» Елизавете Петровне (СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 5. Д. 11. Л. 5, 75). Она же, Елизавета, став императрицей, повелела немедленно перевести и напечатать в Академии «Историю Сибири», рукопись которой Миллер привез из экспедиции и представил государыне сразу по возвращении (*Андреев А. И.* Труды Г. Ф. Миллера о Сибири // Миллер Г. Ф. История Сибири / АН СССР. М. ; Л., 1937. С. 73–74). Чуть позже она сделала его главным историографом АН и ректором академического университета (СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 111. Л. 62–108; Д. 115. Л. 424–429; *Писаренко К. А.* Елизавета Петровна. М., 2014. С. 321–236).

И, разумеется, всемерная поддержка Елизаветой Петровной М. В. Ломоносова – и негласная (так, за известные «антинемецкие буйства» в Академии он не получил серьезного наказания, да и минимальное вскоре было снято), и демонстративная («две тысячи рублей», пожалованные императрицей за оду 1748 г. и привезенные к его квартире на двух подводах в сопровождении гвардейцев на глазах у всей столицы), и деловая: средства на устройство химической лаборатории императрица выделила из «кабинетных сумм», а в ответ на его «представление об излишествах, замешательствах и недостатках» в АН (*Ломоносов М. В.* ПСС. М. ; Л., 1957. Т. 10. С. 26–29) поручила ему «особливое смотрение» за всей научной и учебной деятельностью Академии. И так далее. О том, насколько чувствовал Ломоносов эту поддержку, недвусмысленно говорит известное письмо Шумахеру от 1 мая 1745 г. с изложением резонов поддержать его прошение о назначении профессором: «...я могу всепокорнейше уверить ваше благородие, что милостью, которую вы легко можете мне оказать, вы заслужите не только от меня, но и от всех знатных лиц нашего народа большую благодарность, чем вы быть может предполагаете. В самом деле, вы принесете более чести, если я достигну своей цели при помощи вашего ходатайства, чем если это произойдет каким-либо другим путем...» (*Ломоносов М. В.* ПСС. Т. 10. С. 433–435).

Елизавета ставила перед Академией задачи. Например, издательские. С. П. Луппов на собственный вопрос о том, кто и как определял тематику академических изданий елизаветинского времени, отвечает: «сама Академия и посторонние лица» (*Луппов С. П.* Типография ПАН. 1741–1765. Новые данные // Русская книга и библиотеки в XVI –

первой половине XIX в. Л., 1983. С. 65–66). Однако нельзя не заметить, что на формирование редакционного портфеля АН в значительной мере влияла императрица, лицо отнюдь не «постороннее» – ведь это была *Императорская* Академия наук, Регламентом объявленная состоящей «под единственную Ее Императорского Величества протекциею и ведением» и «под президентским правлением» (Регламент Академии наук и художеств в Санкт-Петербурге // Уставы АН СССР. М., 1974. С. 42). Невозможно недооценивать значение озвученного президентом Разумовским «высочайшего изустного указа» января 1748 г. «стараться при АН переводить и печатать на русском языке книги различные гражданского содержания, в которых бы польза и забава соединена была с пристойным к светскому житию поучением» (МИАН. СПб., 1897. Т. 9. С. 41, № 54).

Выразительной иллюстрацией служит история русского издания романа Ф. Фенелона «Приключения Телемака». Роль Елизаветы здесь – характернейший штрих к портрету эпохи. Он опущен в известном двухтомнике (История русской переводной художественной литературы. Древняя Русь. XVIII век. СПб., 1995. Т. 1. С. 116–117), а в другом труде упомянут лишь вскользь (*Баренбаум И. Е.* Французская переводная книга в России в XVIII веке. М., 2006. С. 67). Зато архивные документы раскрывают живые подробности: «...сего числа Ея Императорское Величество именным своим изустным указом указать изволила книгу называемую *les aventures Telemaque* перевести и напечатать в самой скорости, оставя другое дело, буде какое тому препятствовать может, того ради сделать господам членам Канцелярии такое учреждение, чтоб помянутая книга в неукоснительном времени начата была печатать лучшим самым, каким можно, изданием, смотря по приложенному при сем французскому оригиналу...» (СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 110. Л. 349). Врученный академическим специалистам экземпляр французского издания решились «расплести», чтобы работать и с текстом и с иллюстрациями («для фигур и переводу») одновременно – «для скорости» (Там же). Текстовую часть – «перевод оныя книги... как и корректуру печатных листов» – Разумовский поручил «ассесору Теплому» (Там же), а тот, как мы знаем, сумел привлечь рукопись А. Ф. Хрущева. Листы же с иллюстрациями из расплетенного оригинала – «фигуры с виньетами» – передали в качестве образцов «в грядоровальную палату... вырезать немедленно» (Там же. Л. 350 об). Издание вышло в кратчайший срок: работали «как днем, так и ночью, в будние и праздничные дни» за специальное «награждение» (Там же. Л. 354). За два месяца с момента указа (с 8 октября по 5 декабря 1747 г.) «помянутой книги Телемаковой напечатано» было «на ординарной бумаге 1200 экземпляров на александрьевской 25» (Там же. Л. 356–359). И даже печально известный пожар в Академии, в огне которого погибла часть тиража (152 экземпляра), не помешал в январе 1748 г. «поднести ко двору Ея Императорского Величества в разных переплетах 50 экземпляров» (Там же. Л. 357). Остальные, как мы понимаем, продавались «охотникам до изрядных книг» в академической книжной лавке.

П. П. Пекарский едва ли не с удивлением отметил, что «русские издания при АН времени императрицы Елизаветы расходились довольно бойко», причем были востребованы, помимо прочих, «лицами из таких сословий, которые тогда еще не получили большого образования»; он как будто даже упрекает Елизавету в том, что «вследствие выраженной императрицею воли» Академия стала выпускать «сочинения, которые не соответствовали назначению ученого общества» (*Пекарский П. П.* История Императорской академии наук в Петербурге. Т. 2. С. II). Но мы отметим, что по воле Елизаветы Петровны издавались книги не только «не ученого содержания», но и научные.

Так, по наблюдению современного историка, опирающегося на документы московских архивов, именно по инициативе императрицы возобновилась работа над переводом и изданием «Древней истории» Шарля Роллена (*Писаренко К. А.* Елизавета Петровна. С. 239–240). Это подтверждают и документы архива АН. Начатая В. К. Тредиаковским в 1738 г. с одобрения еще президента Корфа, эта работа к 1744 г. остановилась. Но вот в феврале 1745 г. «секретарю г-ну Третьяковскому» (конференц-секретарю АН) «для переводу роленовых книг» вдруг выдают «полстопы хорошей пицей бумаги и пучек перьев» (СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 801. Л. 2). В октябре того же года первые три тома отданы «для рассмотрения в Конференцию к г-дам профессорам... достойны ли оные в печать» (Там же. Л. 12). Профессора ответили через три месяца, в январе 1746 г., но лишь подтвердили целесообразность издания «для Российскаго народа», отказавшись «ответствовать» за достоверность перевода и поручив «оной с подлинником свесть самому автору» (Там же. Л. 14). И опять, судя по документам, дело застопорилось. А через год, в январе 1747-го, – снова могущественное вмешательство: «по ЕИВ указу и резолюции КАН... академии профессору г-ну Тредиаковскому» было «велено подать... о роленовой истории репорт». Сформулированные в документе вопросы к переводчику исполнены живого чувства, почти нетерпения: «...достальные томы все ли переведены и в готовности для печатания? Ежели не все готовы, то сколько готовых есть?» (Там же. Л. 17). Тредиаковскому указано «о переводе достальных возиметь труд, дабы как скоро можно, оные в печать отдать» (Там же). И здесь встречаем тот же алгоритм, что и в истории с «Телемаком»: «Того ради вам, оставя все труды, буде вы какие для Конференции имете, от сего времени иметь крайнее тщание в одном только переводе...» (Там же). «Кто же был вправе секретаря АН, перегруженного делопроизводственной рутинной, усадить за энергичный переводческий труд?» – вопрошает К. А. Писаренко. И отвечает: «Реально – только императрица, имевшая в личной библиотеке оба многотомника Ш. Роллена – и по древней, и по римской истории» (*Писаренко К. А.* Елизавета Петровна. С. 239).

Добавим: в библиотеке императрицы был еще и семитомный «Атлас Исторической чрез Гедевиля» – так обозначен Тредиаковским в составленном им каталоге французских книг государыни (МИАН. СПб., 1895. Т. 7. С. 333, № 395) «Atlas historique ou nouvelle introduction a l'Histoire» («Исторический атлас, или Новое введение в историю, хронологию и древнюю и новую географию») Анри Шателена и Никола Гудевия, издававшийся в 1705–1720 гг. в Париже и Амстердаме. В этом монументальном труде сведения по истории, генеалогии, этнографии, геральдике, космографии проиллюстрированы многочисленными географическими картами. Вот и к русскому изданию исторического труда Роллена было «за потребно разсуждено» (за подобными безличными формулами: «за благо разсуждено», «намерено», «примечено» – в распоряжениях академической канцелярии нередко скрывалась воля императрицы, предпочитавшей в некоторых случаях действовать негласно – подробнее об этом см.: *Гусарова Е. В.* Зачем Елизавете Петровне нужен был план Петербурга // ТГЭ. [Т.] 97 : Петровское время в лицах – 2018 : материалы науч. конф. СПб., 2018. С. 110; 124, примеч. 92) «приобщить карты древней географии» (СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 801. Л. 91). «Хотя сам автор [Ш. Роллен] и не положил древняя географии ландкарт при подлинном своем сочинении», – отметил переводчик в Предупреждении (Там же. Л. 25). В лаконичном изложении резонов такого оснащения издаваемого на русском языке авторитетнейшего европейского исторического труда мы снова встречаем живые, чувственные выражения,

лексику, не характерную для академических чиновников: «Читатель немного пользы и удовольствия без знания древней географии иметь будет» (Там же. Л. 18).

Более того, к помещенным в русском издании картам, заимствованным «из Целлариновой древней географии», кем-то было решено, а формально «велено» президентом Разумовским (как тут не вспомнить нередкую в академическом делопроизводстве формулу тех лет «по Всемилостивейшему указу ЕИВ... и по определению Его Сиятельства... Академии Наук президента»), «сделать описание под титулом Краткое руководство к древней и новой географии» (Там же. Л. 91). «Потому что, – аргументирует один из участников работы над изданием, – разделение и состояние Государств в разные веки было разное и на одних местах в разные веки разных имен города стояли и на иных местах пропадали, а на иных заводились» (Там же. Л. 101). Задумано, очевидно, для того, чтобы помочь в восприятии историко-картографического материала неискушенному читателю. А это, на наш взгляд, свидетельствует о том, что русское издание труда Роллена адресовалось не только ученым специалистам, но и широкой аудитории: «...она для русских любопытных к Географии людей весьма полезна», – заключил об этой работе в порученном ему отзыве на «Краткое руководство» академический астроном Никита Попов (Там же). Вышедшее в 1753 г. «Краткое руководство к древней географии» озадачивает сегодня двумя несообразностями. Первая: титул издания гласит, что оно «собрано из разных авторов трудами ИАН Конференции секретаря Ивана Стафенгагена (см.: Издания гражданской печати времени императрицы Елизаветы Петровны, 1741–1761 / АН СССР. М. ; Л., 1935. Ч. 1 : 1741–1755. С. 246, № 489), в то время как документы декабря 1751 г. – времени окончания его редакционной подготовки (один за подписью архивариуса Стафенгагена, другой – советника Шумахера) – называют автором Степана Крашенинникова. Академическое Историческое собрание «апробовало общим согласием» рукопись к печати при условии, «чтоб *сочинитель* (здесь и далее курсив в цитатах мой. – Е. Г.) в пристойном месте объявил», почему не упомянул некоторые «славные» в прошлом, хотя ныне «незнатные» города. На что «г-н профессор Крашенинников... *яко сочинитель*... обещал при печатании последнюю корректуру пересмотреть и исправить» (СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 801. Л. 102–102 об., 103–103 об.). Вторая несообразность заключается в той формулировке, какая используется при сообщении об Иване Стафенгагене в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона, а вслед за ним и в современной Национальной исторической энциклопедии: по этой формулировке названный персонаж «сочинил и издал на русском языке „Краткое руководство к древней географии...“» – так, словно академическому архивариусу принадлежали и инициатива, и едва ли не затраты на издание, хотя, как показывает исторический контекст, инициатива и средства исходили вовсе не от него.

Таким образом, после цитированного указа императрицы января 1747 г. русское издание многотомной «Истории» Роллена *состоялось* – стало выходить бесперебойно и, более того, было усовершенствовано. Даже погубивший часть напечатанного тиража приснопамятный пожар не только не помешал, но подстегнул работу: руководивший академической типографией корректор А. С. Барсов предложил не допечатывать часть «в ползавода», что удорожает книгу, а «приказать печатать завод или два, потому что она книга надлежит до исторических книг, которого роду книги здесь при Академии весьма скоро продаются» (Там же. Л. 20). Первый том поспел к декабрю 1749 г., когда было напечатано «древней роленовой истории первого тому об египтянах и карфагенянах

на русской комментарной бумаге 2400, на заморской комментарной 100, да на голанской александрийской средней руки бумаге 25 книг...» (СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 801. Л. 21). Последние из указанных «25 книг» – подносные экземпляры, переплетенные и украшенные строго по ранжиру: «в красном сафьяне с позолотой... по обрезу золотом» – «ко взносу Ея Императорскому Величеству», в сафьяне без позолоты – для великокняжеской четы, «в галанском переплете с напыском», «во французском переплете» – разного ранга «при дворе знатным обою пола персонам» (Там же. Л. 26). Из прочих, «ординарных», 1000 экземпляров отправили для продажи в московскую книжную лавку Академии (Там же. Л. 44). В октябре 1751 г. тем же тиражом и оформлением выпел второй том (Там же. Л. 61), в ноябре 1752-го – третий (Там же. Л. 113), в декабре 1753-го – четвертый (Там же. Л. 139) и так далее (см.: Издания гражданской печати времени императрицы Елизаветы Петровны. Ч. 1. С. 177, № 333; с. 208, № 404 и далее). Всего с 1749 по 1762 г. «Истории древней об Египтянах, о Карфагенянах, об Ассириянах, о Вавилонянах, о Мидянах, о Персах, о Македонянах и о Греках сочиненной чрез г. Роллена... а ныне с французского переведенной чрез Василья Тредиаковского» выпало, как известно, «10 частей с картами», а с 1761-го по 1763-й – 16 томов «Римской истории» тех же авторов (...Указатель статей, помещенных в ... изданиях ... Императорской Академии наук ... СПб., 1875. Ч. 2. С. 351, № 6110; с. 352, № 6111).

К научным трудам, выпуск которых в свет был необходим императрице в пропагандистских, политических целях, вызванных текущими международными событиями, относится двухтомник Леонарда Эйлера «Морская наука», напечатанный Академией наук «...по указу Ея И. В. ... немедленно... оставя другие, не столь важные дела» (МИАН. Т. 9. С. 298–299, № 371). Поскольку автору, знаменитому ученому, почетному члену ПАН, не удалось опубликовать свою книгу в Берлине, столице главного противника России на европейской арене в заключительный год войны за австрийское наследство и дипломатической борьбы вокруг ахенского мирного трактата, то выпуск ее в Петербурге был одним из сильных ходов в той *гибридной*, как сегодня сказали бы, войне, которую вела тогда Елизавета Петровна.

Изданием, понадобившимся императрице в тех же целях, стал и рассматриваемый «План» Петербурга, задуманный Елизаветой и начатый ПАН именно в заключительный год войны за австрийское наследство. Россия, втянутая союзниками в эту войну, блестяще способствовала ее окончанию, но вероломно не была допущена к мирным переговорам в Ахене, чем русскую императрицу намеренно оскорбили с целью спровоцировать выход России из войны, удаление ее из международной жизни Европы. Создание плана Петербурга, бывшего тогда символом европейских интересов Российской империи, стало еще одним доводом в той же информационной кампании (подробно см.: *Гусарова Е. В.* Зачем Елизавете Петровне нужен был план Петербурга. С. 102–109).

Такого же рода пропагандистский издательский проект, хотя и исполненный в Европе, – вольтеровская «История Российской империи в царствование Петра Великого», заказанная русской императрицей накануне Семилетней войны «писателю, чье имя гремело на весь образованный мир», – назван удачей, которой «мог позавидовать любой из ее политических врагов» (Вольтер в работе над «Историей России при Петре Великом». Новые материалы / публикация Н. С. Платоновой // Литературное наследство. М., 1939. Т. 33–34. С. 1; см. также: *Копанев Н. А.* Петербургские отклики на конфликт Вольтера с Фридрихом II // Вольтеровские чтения : сб. науч. трудов / РНБ. СПб.,

2009. Вып. 1. С. 35). Материалы для этой «Истории» Вольтера готовили, как известно, М. В. Ломоносов и другие члены ПАН.

Известны высочайшие поручения Академии и помимо издательских. Так, получив известие о заключении в Або «вечного мира» с «короною свейскою» и вознамерившись для мирных торжеств совершить триумфальное «вшествие в Москву», Елизавета Петровна повелела «академии де сиянс» разработать идейную программу для оформления серии соответствующих церемонии триумфальных ворот (на что обратила внимание Е. А. Погосян в статье о формировании Елизаветой, вслед за ее отцом, своего рода политического театра: Князь Владимир в русской официальной культуре начала царствования Елизаветы Петровны // Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. Вып. 5. Тарту, 2005. С. 14). «...По указу Ея И. В.» от 12 августа 1743 г. Академии наук велено «...в построенных триумфальных воротех картины с протчими к тому изображениями и пристойными подписями... по приличности сочиня, взнестъ в Правительствующий Сенат в немедленном времени» (МИАН. СПб., 1889. Т. 5. С. 809, № 737).

Факты «вмешательства» Елизаветы Петровны в деятельность АН можно добавлять и еще, но мы напомним лишь о самых главных, хотя нередко поразительным образом не замечаемых: Пекарский, например, констатировал, что в елизаветинское время «Академию не сочтено было уместным упразднить» – так, словно вопрос об упразднении при Елизавете ставился! (*Пекарский П. П.* История Императорской академии наук в Петербурге. Т. 2. С. XVII.) Во-первых, при Елизавете Петровне был разработан и утвержден Регламент Академии наук, чего не успел сделать ее отец, во-вторых, в два с половиной раза увеличено финансирование Академии и, наконец, в-третьих, после многолетнего отсутствия назначен президент, выпестованный и отправленный императрицей в образовательный тур по Европе, как отправляла она «благородных юношей» – выпускников Сухопутного шляхетного корпуса – лично участвуя в разработке маршрутов таких путешествий, а по возвращении сама их экзаменовала (см.: *Писаренко К. А.* Повседневная жизнь русского двора в царствование Елизаветы Петровны. С. 782–792). Отправив будущего президента петербургской Академии в европейские университеты, она снабдила его удивительно толковой, по оценкам историков, якобы «братской» инструкцией, авторство которой С. М. Соловьев, например, приписывал самой Елизавете Петровне (*Соловьев С. М.* История России с древнейших времен : в 15 кн. М., 1963. Кн. 11. С. 570), а не брату посылаемого, А. Г. Разумовскому, текстов которого, как известно, не осталось.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

ПРИМЕРЫ ПОДРАЖАНИЙ ЕКАТЕРИНЫ II ЕЛИЗАВЕТЕ ПЕТРОВНЕ

За Екатериной II числятся такие знаковые для России XVIII в. мероприятия, как попытка составления нового Уложения, Генеральное межевание, переселение иностранцев в Россию. Но все ли помнят, что это были начинания Елизаветы Петровны? (См., например: Проект нового Уложения, составленный Законодательной комиссией

1754–1766 годов. СПб., Б. г.; *Саловьев С. М.* История России с древнейших времен. М., 2003. Кн. 12 : 1740–1748. С. 848–849, 851–862.)

Екатерина сохранила созданную Елизаветой «двухпартийную систему», поддерживая противостояние Орловых и «группы Панина» – при «тетушке» это было соперничество проанглийской А. П. Бестужева-Рюмина и профранцузской тандема Воронцова и Шувалова партий.

Екатерина учредила с начала войны с Турцией «Совет при Высочайшем дворе» – аналог заведенной Елизаветой по вступлении в войну с Пруссией «Конференции при Высочайшем дворе».

Екатерина пыталась заключить брак с Г. Г. Орловым и заключила с Г. А. Потемкиным по примеру тайного брака предшественницы с А. Г. Разумовским.

И знаменитые «висячие сады Екатерины Великой» были продолжением Елизаветинских затей в Летнем саду и в Царском Селе: «...висячий сад Елисаветы обладал несравненно большей и более искренней „романтикой“, как и многое другое...» «Общее впечатление от этого... сада было, вероятно, фантастическим...» (*Бенуа А. Н.* Царское Село в царствование Елизаветы Петровны. СПб., 1910. С. 146).

И появление в 1770-х гг. «самотечного Таицкого водовода», обеспечившего чистой водой жителей Царского Села, Софии и Павловска, стало возобновлением работ, начатых при Елизавете: именно она, озабоченная скудостью водных ресурсов своей любимой резиденции, инициировала, не останавливаясь после неудач, всё новые обследования окрестностей, составление проектов и смет на устройство «водной коммуникации», в результате чего были найдены обильные Таицкие ключи, и в 1750 г. приступили к подготовке работ по приведению таицкой воды; эти работы были отложены в 1757 г. из-за вступления России в Семилетнюю войну (см.: *Степаненко П. Г.* Инженеры – создатели царскосельской гидросистемы // От «царского огорода» к музею-заповеднику : сб. статей по материалам науч.-практич. конф. / ГМЗ «Петергоф». СПб., 2018. С. 117–119).

Даже знаменитые Екатеринины вечера в Эрмитаже следовали ужинам «без церемоний» Елизаветы Петровны.

И не подражала ли Екатерина, ухватившись за «забавный русский слог» державинской «Фелицы» и начав культивировать стернианскую манеру в «Собеседнике» («Были и Небылицы» и прочее) и модный в Европе «персифляж» («подсвистывание», вышучивание) в общении при дворе, отмеченной современниками «природной» веселости Елизаветы, которая шутила, кокетничала, позволяла придворным говорить о себе «были и небылицы» – будто она ленилась, капризничала, спала днем и бодрствовала ночью, не знала, что Англия остров, завела себе 15 тысяч платьев и прочее?

Н. Д. Кочеткова напоминает о значении, какое придавала литературной и издательской деятельности Екатерина II, о поощрении ею переводческой работы (*Кочеткова Н. Д.* Литературные посвящения в русских изданиях XVIII века. Статья вторая. Посвящения государю // XVIII век / ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН. СПб., 2004. Сб. 23. С. 34). Как тут не вспомнить указ Елизаветы Петровны «переводить и печатать» при АН «книги гражданские» (МИАН. Т. 9. С. 41, № 54), повлекший меры поощрения переводчиков: «награждение» авторскими экземплярами, помещение имени переводчика «в заглавии», упоминание «для известия в русских и немецких ведомостях» (Там же. С. 53, № 71), – что в свою очередь вызвало бурный всплеск переводческой деятельности (многочисленные переводы в тот период Сергея Волчкова, Ивана

Горлицкого, Василия Лебедева, Ивана Голубцова, Степана Крашенинникова, Василия Теплова и других академических и прочих переводчиков). Притом, что переводческая литература тридцатых годов XVIII столетия, то есть накануне елизаветинского времени, «не была в цветущем состоянии» (*Пекарский П. П.* История Императорской академии наук в Петербурге. Т. 2. С. 17).

Перечень этот далеко не полон, примеры заимствований Екатерины у Елизаветы можно продолжать.

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

ПРЕДПОЛОЖЕНИЕ О ПОДГОТОВКЕ ЕЛИЗАВЕТЫ И ЕЕ СОТРУДНИКОВ К СОЗДАНИЮ НАДПИСИ НА КОННОМ ПАМЯТНИКЕ ПЕТРУ I

Важный пример *практического* интереса императрицы к европейской эпиграфике приоткрывает, возможно, тот факт, что одна из рукописных *копий* известного «Архива, или Статейного списка» А. А. Матвеева, включающего полные переводы надписей на всех сторонах пьедесталов памятников французским королям на площадях Парижа, датируется *серединой XVIII в.* и находится в *фонде Воронцова* (Архив СПбИИ РАН. Ф 36. Оп. 1. Д. 180; см. также: Русский дипломат во Франции : (записки Андрея Матвеева) / публикация подгот. И. С. Шарковой ; под ред. А. Д. Люблинской. Л., 1972. URL: http://drevlit.ru/texts/m/matveev_1.php (дата обращения: 25.10.2019); *Берелович В. Я.* Посланец Петра Великого А. А. Матвеев в Париже, 1705–1706 гг. // Исторический архив. 1996. № 1. URL: <http://drevlit.ru/docs/france/XVIII/1700-1720/Matveev/pred.php> (дата обращения: 25.10.2019)). Зачем ближайшему сотруднику Елизаветы понадобилось копировать эти материалы?

Петр I в свое время читал матвеевские записки («архивную» часть статейного списка), что подтверждает малозаметная деталь. В царском указе 1722 г. с требованием к Матвееву представить наконец в Коллегию иностранных дел не сданный с 1706 г. отчет о его миссии в Париже, составленный по правилам официального дипломатического донесения, сказано: прислать «немедля *обыкновенный* статейный список своей бытности в посольстве» (цит. по: Русский дипломат во Франции : (записки Андрея Матвеева)). Это означает, на наш взгляд, что *необыкновенный* отчет – тот самый «Дневник неофициальной миссии к французскому двору», он же «архив», как называл эти свои записки сам автор, – был давно представлен и знаком царю, в том числе и переводы надписей на пьедесталах.

Мы знаем, что Петр, поставив задачу приобщения России к достижениям европейской цивилизации, основу которой – греческую и римскую античность – знатоки называют *цивилизацией надписей* (эпиграфики), интересовался этой дисциплиной уже в первом своем заграничном путешествии. Знакомясь с европейскими собраниями медалей и монет, разглядывая древние «сребреницы» у одного из коллекционеров, отмечал: «...а изображение на них голова и над оною *надпись*» (Записная книжка любопытных

замечаний Великой особы, странствовавшей под именем дворянина российского посольства в 1697 и 1698 году. СПб., 1788. С. 15–16). Хотя представления царя в этой области уже тогда были далеко не *tabula rasa*, о чем свидетельствует девиз «Аз бо есмь в чину учимых и учащих мя требую» на печати, применявшейся им в том же путешествии.

Своего рода кульминацией многообразной деятельности Петра в сфере эпитафии (составления им надписей для медалей, триумфальных ворот, фейерверков, полковых знамен, триумфального столпа, девизов кораблей и т. п., о чем свидетельствовали очевидцы, писал И. И. Голиков, наконец, указывал сам царь) представляется его сотрудничество с парижской Академией надписей и словесных наук – консультации на тему надписи на пьедестале задуманного Петром конного памятника, модель которого он отправил Академии в 1719 г.: «...царь... спрашивал ея [Академии] мнения относительно большой Латинской надписи, которая должна была быть помещена на четырех сторонах пьедестала конной статуи, воздвигаемой этим государем в Петербурге» (Русский архив. 1881. Кн. 1, вып. 1. С. 14–15).

Впоследствии Петр потерял интерес к задуманному конному монументу, разувшись, похоже, в профессиональных возможностях Б. К. Растрелли, после того как обнаружил дефекты в исполненном тем «поясном портрете» (бюсте) и получил объяснения об ошибках в ходе литья и обещание исправить их, которые его не удовлетворили. Во всяком случае, больше исполнения крупных скульптур царь Бартоломео Карло не доверял: отливку, например, «сочиненных» тем фигур Нептуна и Амфитриты для ковша петергофского Большого каскада заказал в Англии. «Возможно, это было вызвано какой-то неудачей с моделью „большого коня“, которая с лета 1719 года перестает упоминаться в документах», – рассуждали исследователи (*Архипов Н. П., Раскин А. Г.* Бартоломео Карло Растрелли. М. ; Л., 1964. С. 25). Их коллега добавляет: «Вообще для Растрелли характерна некоторая самонадеянность и смелость в принятии на себя проектов, которые он не мог осуществить самостоятельно, в силу определенной ограниченности своих умений, хотя в контракте смело перечисляя и те профессии, которыми владеет не вполне» (*Малиновский К. В.* Бартоломео и Франческо Растрелли. СПб., 2017. С. 51).

Елизавета Петровна, как известно, вернулась к задаче создания конного памятника Петру I. И не довела его до установки вовсе не от небрежения и беспечности. Документы свидетельствуют, что она занималась этим энергично и последовательно: в 1743 г. указала представить ей незаконченную работу Б. К. Растрелли для «высочайшей апробации»; 22 июня того же года «изволила осмотреть... модель Петра Перваго, сидящего на лошади» и «указала делать» в полную величину, распорядившись «отпускать все, что надобно архитектору и скульптору Растрелли без удержания» (цит. по: *Архипов Н. П., Раскин А. Г.* Бартоломео Карло Растрелли. С. 75, 78); в марте 1745 г. осмотрела восковую модель и «соизволила указать по опробованной большой модели выливание из меди... зачать немедленно»; в ноябре 1747 г. монумент был «выливанием из меди окончен» – и при отливке этой, похоже, присутствовала сама императрица: в «доношении» Ф. Б. Растрелли (которому после смерти Растрелли-старшего государыней указано «зачатое отцом его дело исправлять») говорится о сооружении «крыльца при партерном анбаре для смотра литья высочайшему присутствию Ея Императорского Величества» (*Малиновский К. В.* Бартоломео и Франческо Растрелли. С. 93).

Но и Елизавета столкнулась в деле сооружения памятника с теми же трудностями, что и ее отец. «Волный мастер» Алессандро Матрелли, привлеченный для литейных

работ еще Растрелли-старшим, на деле был мастером *штукатурным* и позже объяснял, что подписал контракт с обязательством «исправлять и литейное мастерство... за незнанием российского диалекта и за непонятием написанного в том контракте»; тем не менее, он взялся «подпискою» статую «в надлежащее окончание привести» – при условии, «чтоб были при работах в ево послушании» мастеровые люди, «которые б имели в том деле искусное знание», на что императрица распорядилась «прислать немедленно» из ведомства Главной артиллерии «литейного дела мастера Степана Копьева» (Там же). Однако и в отлитой с его, литейщика *пушек*, помощью статуе также оказались дефекты, на исправление которых ушли годы. Затем под руководством того же «штукатура Мартелия» еще несколько лет занимались расчисткой, окончательной отделкой, чеканкой отлитой статуи, закончив лишь в 1755 г.

А в следующем, 1756 г. началась Семилетняя война, и вступление в нее России потребовало другого порядка расходов; деньги на изготовление пьедестала и аллегорических фигур, которые, по замыслу Петра, должны были окружать его конную статую, Сенат отпускать перестал. Со смертью Елизаветы работы и вовсе прекратились. При Екатерине II шансов быть установленным этот памятник не имел. Наконец, император Павел, продемонстрировав принцип отрицания отрицания, поставил его перед Михайловским замком, снабдив известной надписью, которую можно назвать шедевром эпиграфики.

Таким образом, документы свидетельствуют, что дело установки конного монумента своему отцу Елизавета Петровна продвигала последовательно и настойчиво. Отсюда, возвращаясь к середине 1740-х гг., выскажем предположение: обращение ближайшего сотрудника Елизаветы к архивному списку Матвеева, содержащему перевод с латыни надписей на пьедесталах памятников французским королям, в тот самый период, когда разворачивалась работа над конным монументом Петру (добавим: в 1746 г. М. И. Воронцов приобрел «Описание конной статуи Людовика XIV» – см.: *Копанев Н. А. Французская книга и русская культура в середине XVIII века.* Л., 1988. С. 69), может означать, что это была своего рода подготовка к созданию надписи как на пьедестале памятника – не случайно в нижней картуше «Плана» мы видим этот памятник установленным на «коллежской площади», – так и на самом «Плане» Петербурга 1753 г.